

Нина Баскакова

Любовь
без
финиша

Они жили в одном районе. В соседних домах. Одинокие. Похожие и одновременно разные. Их давно могла бы свести судьба, но они отказывались смотреть по сторонам и замечать друг друга, пока однажды их не столкнули лбами. И вот бы уже жить да радоваться. Но оказывается, что познакомиться не самая большая проблема в жизни. Сложнее остаться вместе, понять друг друга, принять, не обращать внимания на чужие слова и взгляды. А это очень сложно. Проще жить в своём одиночестве, чем пытаться жить с кем-то.

Глава 1

Когда утром передавали штормовое предупреждение, то я к этому серьёзно не отнеслась. Обычно такие предупреждения заканчивались ломанными ветками, сильным дождём и большими лужами. Эти лужи потом форсировали машины, как корабли. Я взяла зонтик, надеясь, что этого вполне хватит, чтоб уберечь себя от дождя. К тому же у меня была хорошая куртка, которая не пропускала воду и были осенние сапоги с прорезиновой подошвой. Непогоды я не боялась. И не такое переживала, но я не была готова к урагану.

Первая половина дня была весьма терпимой. Ветер кидал в лицо мелкие капли дождя. Я не обращала на них внимания, хотя мысли о тёплой кровати и кружки горячего чая возникали всё чаще.

Во второй половине дня мне понадобилось ехать в Федово, что находилось в пяти километрах от нашего района, но числилось за нашим почтовым отделением. Это была большая деревня, состоящая из частного сектора и пяти трёхэтажных домов. Туда можно было добраться на редких маршрутках, что проезжали мимо или на автобусах, что ходили три раза в день. Уж мой район был на отшибе города и к нам автобусы ходили редко, но по сравнению с Федовым, у нас было неплохое сообщение с городом.

Я успела раскидать письма и газеты до того, как поднялся ветер. Если раньше он налетал порывами, то теперь он дул сплошным потоком, без перерыва, как из воздушной пушки. Дождь усилился. Ветер подхватывал капли и нёс их в горизонтальном положении, пока они не натыкались на препятствие, чтоб удариться об него и стечь вниз. Около деревни были поля, проросшие лесополосой. Сам лес виднелся вдали. Низкие кустарники и деревья — семилетки не спасали от ветра.

Когда я дошла до остановки, то ветер чуть с ног не сносил. Открывать зонт тут не было даже мысли. С ним я могла бы стать современной Мэри, которая улетела, но обещала вернуться. Остановка не спасала. От неё остался лишь остов и крыша, которую съела ржа и там местами поблескивали дыры, через которые всегда щедро поливал дождь. На железном основании виднелась выбитая надпись, когда эта остановка была поставлена. Она была старше меня на три года. Тридцать три года назад кто-то поставил остановку, думая, что она будет спасать от ветра и дождя тех, кто ждёт автобуса и вряд ли рассчитывал, что эту остановку будут эксплуатировать так долго.

У всего в этом мире есть срок службы. Люди и вещи не могут жить вечно. Жаль, что мы это забываем.

Машины проносились мимо, торопясь вернуться в город. Некоторые останавливались на обочине, чтоб переждать непогоду. Какие-то машины съезжали в деревню и останавливались там, не подозревая о коварной дороге Федова: её размывало и без сильных дождей. Тут же начинался потоп. Дождь ударялся об асфальт, собираясь в ручьи и потоком скользая с насыпи. Ветер теребил рекламный щит, стремясь уронить его на землю, но щит сопротивлялся.

Маршрутка пронеслась мимо, не собираясь останавливаться. Значит битком. Или не увидела меня из-за такого сильного дождя. Сделать тут ничего нельзя. Остаётся только ждать.

Кошелёк и телефон я убрала в пакет и спрятала его на дно сумки, чтоб его не намочить. Куртка промокла. Брюки прилипли к ногам. Холод. Ветер. С носа капала вода. Шапка осела

на голове тяжёлым грузом. Несколько прядей выбились из-под шапки. Вода стекала по ним ручьями. Это доставляло неудобство, но одновременно и забавляло. Не каждый день принимаешь природный душ и наблюдаешь такое буйство непогоды.

Погода же вела себя злой собакой, которая сорвалась с цепи. Она металась, рычала, злилась и старалась укусить всех, кто подался им на пути. С кустов срывались листья, отлетали ветки. На соседнем доме ветер сорвал крышу и теперь шумел железом. напротив в огород упала яблоня. Сила природного урагана не только пугала, но и завораживала. И пусть я оказалась не в том месте и не в то время, но от этой бури захватывало дух.

Град. Крупный, размером с куриное яйцо. Он барабанил по крыше остановки. В одном месте такая градина пробила крышу. Я машинально закрыла голову руками. Сжалась. Ужас и эйфория смешались в коктейль, от которого кружилась голова. Это было неопишуемое чувство, когда адреналин прошёлся по крови. Сознание понимало, что я нахожусь в опасности. Только сделать я ничего не могла. К этому примешивалось неподдельное восхищение природой и преклонение перед мощью стихии. Человек летал в космос, дырявил землю, добывая полезные ископаемые, но не мог справиться с природной стихией. Стихия напоминала, что мы всего лишь букашки в этом мире, правда, возомнившие себя королями.

Рядом остановилась машина. Водитель что-то сказал, но шум ветра заглушил слова. Пришлось подойти.

— Садись, подвезу, — сказал он.

— По цене маршрутки.

— Договоримся, — ответил он.

— С меня вода ручьём.

— Фиг с ней. Садись быстрее, — быстро сказал он.

Я села на переднее сидение. Мы отъехали от остановки и съехали на площадку перед неработающим магазином.

— Сейчас переждём и поедem, — сказал водитель. — Дорогу не видно.

Град стучал по машине. Ударил по стеклу. По нему пошла трещина. Я невольно вздрогнула.

— Не разобьётся. Но машину нам побьёт, — успокоил он.

— После такого машину в ремонт придётся сдавать.

— Машина не голова. Её починить легче, чем человека.

Позади послышался шум. Мы одновременно обернулись. Щит не выдержал и рухнул на дорогу. Зил, не успел затормозить и влетел в остановку, на которой недавно стояла я. От остановки остались лишь воспоминания и железки, что упали вниз.

В голове промелькнула мысль, что я недавно там стояла. Вот всего пять минут назад. И за это время маршрутка так и не проехала. Значит я там и продолжила бы стоять, если бы... Я посмотрела на водителя.

— С днём рождения, — ответил он.

— Спасибо, — ответила я. Слова дались тяжело. Вместо них вышел смех. Вначале лёгкая смешинка с дурацкой улыбкой, а потом меня накрыло лавиной смеха. Появилось ощущение жизни, яркость красок и осознание, что все серьёзные проблемы — это ерунда. Главное было то, что я дышала, двигалась, ясно мыслила и смеялась. Водитель вначале с опаской смотрел на меня, потом заразился тем же смехом.

— А я ведь стоял за тем щитом. Там съезд к реке. Потом решил тебя подвезти и остановился здесь. Если бы остался там, то домой бы сегодня попал нескоро. Там же тогда

придётся в объезд ехать, — рассмеялся он.

— Я ещё стою и жду маршрутку. Они всё мимо и мимо едут. Никто не останавливается.

— Тут дорогу с трудом видно. Не то, что человека на остановке. Это мне делать нечего было, вот я и смотрел по сторонам, — ответил он. — Последний летний привет от погоды.

— Эпичный привет. И так лета не было. Ещё нас и снегом завалило. Снег в августе! — смотря на крошку изо льда, что покрывала капот машины, ответила я.

— Лёд от снега отличается, как небо от воды. Снег мягкий, лёд колючий. Так что не совсем верное определение.

— А по мне всё едино, — ответила я, посмотрев на него.

Это был интеллигентного вида молодой человек, возраст которого сложно было определить. Ему могло быть на вид как около двадцати лет, при этом могло оказаться и все тридцать. Есть такой типаж людей, которые могут большую часть жизни не стареть. Вот этот как раз был из такого типажа. Чёрные волосы аккуратно зачёсаны на бок. Очки в чёрной оправе с толстыми стёклами. Выглаженная рубашка, вязанная жилетка в жёлто-зелёную клеточку. На руке часы с круглым циферблатом на кожаном ремешке. Всем своим видом он напоминал классического научного работника или учителя. В любом варианте это был человек связанный с наукой.

— Артём.

— Лариса. Лора.

— Наверное, лучше печку включить. Погода сейчас располагает больше к печке и тёплому чаю.

— Да. Не лето, а настоящая осень. Уже и листва опадать начала, — снимая мокрую шапку, ответила я. Утром было около трёх градусов. При такой температуре у меня начинали мёрзнуть уши, поэтому и пришлось надеть шапку. Шерсть намокла и теперь натирала лоб.

— Всё лето такое. Когда ягода цвела, ночь холодная была. Пустоцвета было много. Высадили помидоры и огурцы, так всё, что было не в теплице — помёрзло. Мать всё переживала, что столько рассады погибло. Как будто нам не хватит того, что вырастим в теплице.

— Свой участок? — понимающе спросила я.

— Дом в Кривой яме.

— У нас был на Повороте дачный участок. Но после того как стали строить коттеджи в тех краях, наши участки затопило. Они там канав нарыли, отводя от себя воду. Вода пошла к нам. А мы почти у дороги были. Весь участок пророс камышом и рогозом. Раздолье для лягушек.

— Жаль, что у нас не в цене лягушачьи лапки. А так можно было бы организовать ферму.

— Гадость. Не люблю земноводных и скользких тварей.

— Тоже не приветствую. Так к слову пришлось.

Тёплый воздух начал наполнять салон машины. Теперь понятно, почему машина была отечественным внедорожником. Чтоб доехать до Кривой ямы нужен был хороший вездеход. Места там были почти заброшенные. Если кто и остался, то лишь дачники.

— Ничего себе! — вырвалось у Артёма, когда мимо нас пролетел кусок крыши. — Погода не перестаёт удивлять.

— Уже должно закончиться. Ураганы не длятся долго.

— Град закончился. Будем надеяться, что не придётся ждать целый день, чтоб выехать

отсюда. Кстати, в какой район едем?

— До поворота на Гаражи. Дальше дойду.

— Мне туда же. В шестом доме живу.

— В жёлтом, где магазин хозтоваров?

— В нём самом, — ответил Артём.

— Сбоку в свечке живу.

— Значит соседи. Интересно, но тебя ни разу не видел.

— Мы могли чуть не каждый день встречаться, но не обращать внимания друг на друга.

— У меня хорошая память на лица, — возразил он. — Хотя сейчас люди могут жить в одном подъезде, а познакомиться где-нибудь в другом городе. Или на курорте. И такие случаи бывают.

— Познакомится в другом месте проще, чем в привычном. Утром некогда смотреть по сторонам, потому что бежишь на работу, вечером бежишь домой с работы. От усталости ничего не видишь и себя порой в зеркале не узнаёшь, а не то, что на других смотришь.

— Это верно. Заметила как сейчас люди ходят? Они смотрят себе под ноги, а глаза поднимают лишь у дороги. Или смотрят поверх чужих голов, словно бояться посмотреть на другого человека. И все в своих мыслях. Каждый идёт с таким выражением лица, словно решает сложную теорему, — ответил он.

— Это отчасти верно. Каждый день приходится решать одни и те же вопросы, чтоб потратить на работу меньше времени, а сделать больше. Чтоб купить что-то, при этом не прогадать в деньгах и рассчитать их до зарплаты. При этом нужно успеть в несколько мест при этом в одно время. И это нужно держать всё в голове. Иначе потеряешься, ошибёшься, что-то упустишь. Это не считая другого информационного шума, который опускается на наши головы в виде социальных сетей, новостей, сюжетов фильмов, книг, песен, что навязчиво звучат в голове.

— Информационный шум. В нём можно много получить информации, если уметь слушать.

— Что мы и делаем, уходя из реальности, в какой-то другой мир, что находится на грани виртуального, реального и подсознания, — ответила я. После того как печка начала греть, я почувствовала, как сильно замёрзла. До этого холода я не чувствовала.

— Будь здорова.

— Спасибо. Ещё только заболеть не хватало.

— Чай с малиной или лимоном, шерстяные носки и колючий плед — рецепт проверенный временем.

— Для тех, кто может себе его позволить. Нужно ещё на вторую работу забежать, — ответила я.

— Не много?

— Нормально. Лучше работать, чем дома сидеть, — ответила я.

Ветер начал сбавлять обороты. Дождь уже не напоминал потоп. Водитель Зила вышел посмотреть ущерб. На дороге начала образовываться пробка в сторону от города.

— Поедем? — спросил Артём.

— Если считаешь, что можно ехать, то поедем, — согласилась я. У него зазвенел телефон. Он нацепил гарнитуру на ухо и ответил на вызов.

— Вас там ветром не унесло? — спросил он. До меня донеслись отголоски женского голоса. — Крыша сарая улетела? Его всё равно хотели разбирать. Так какая разница, когда

этим займёмся? На выходных разберём. Да, на следующий год поставим что-то менее фундаментальное. Не на этих выходных. На следующих. Надо для начала машину починить. Немного градом побило. Нет, это не помешает вас забрать в пятницу. Думаю, что к тому времени я управлюсь. Скажи отцу, чтоб без меня сарай не разбирал. С его спиной он потом в больнице окажется. Договорились. Вечером созвонимся.

Он выключил телефон. Я опять чихнула. После непогоды пейзаж в окне выглядел унылым и грязным. Трава лежала помятой, кусты и некоторые деревья поломались. Пришлось объезжать две аварии.

— Родители решили на даче остаться. То звонят, чтоб забрал. Приезжаю, так передумали. Сходили в лес по грибы, так решили, что пока весь лес не оберут, то не успокоятся.

— Грибы с картошкой — это вкусно, — машинально ответила я.

— Я не грибник. Не люблю собирать. Лес знаю, но азарта нет. Родители же по лесу носятся так, как будто не грибы, а золото ищут. Потом ещё пересчитывают кто из них больше набрал, — ответил Артём. — Всю жизнь соревнуются друг с другом. Зато весело за ними наблюдать.

— Мои давно развелись. Больше пятнадцати лет назад.

— Отношения не поддерживаешь с отцом?

— Он проигрался сильно, а потом его не стало. Не смог оправиться после случившегося. Мы уже здесь жили, — ответила я. Машина свернула в сторону микрорайона. Теперь оставалось проехать два с половиной километра по отвратительной дороге с кучей ям. Из-за этих ям таксисты драли сумму в три раза больше, чем по городу. Машина мягко ныряла вниз и выныривала из мини-озёр. С двух сторон дороги были густые кусты, которые прятали за собой глубокие канавы с водой. Потом шла полоса поля, за которой начинались с левой стороны гаражи кооператива, а с другой болотистая низина.

— Никогда не знаешь, как повернётся жизнь, — ответил Артём. — Поэтому никого судить не буду.

— Я сама не сужу. У каждого своя жизнь и свой путь.

— А потом раз, и пути пересеклись.

— Или разошлись, — ответила я, подпрыгивая вместе с машиной на кочке.

— Я бы не стал так пессимистично ставить точки, — он бросил на меня быстрый взгляд. Вот только этого не хватало. Ещё ко мне и клеится начал.

— Лучше сразу выставить точками границы, чем кто-то по ошибке их примет за многоточия.

— Границы — это весьма условная вещь. Их при желании можно раздвинуть.

— Когда границы имеют в виде хороших таких заборов в виде детей и мужа, то граница становится нерушимой, — ответила я. Врала, но не боялась, что меня на этой лжи поймают. Пусть мы и жили почти в соседних домах, но друг с другом раньше не встречались. И ещё можем долго не встречаться дальше.

— С одной стороны, жаль, но с другой — это хорошо, когда есть такие крепкие заборы, которые охраняют границу. Остаётся лишь порадоваться и без злого умысла позавидовать, — ответил он. — Вот и приехали.

— Спасибо за спасение жизни, — ответила я. Начала доставать кошелек с деньгами.

— Оставь, — отмахнулся он.

— Но мы договаривались...

— В такие моменты, когда погода вносит коррективы или случаются непредвиденные ситуации техногенного характера, брать деньги — это наживаться на беде другого человека, — ответил он.

— Спасибо.

— Не за что. На моём месте ты поступила бы также.

— Откуда такая уверенность?

— Не знаю, но думаю, что угадал. А хочешь я тебе грибов дам? У меня их два пакета. Меньше с ними возиться.

— Не надо, — растерялась я. Он же уже вышел из машины. Я последовала следом. Артём открыл дверцу заднего сидения. Достал куртку. Потом открыл багажник.

— Ты же сейчас домой, прежде чем куда-то бежать? — спросил он. Я только кивнула. — Тогда держи. Вот тут яблоки. Здесь грибы. А это малина. Самое лучшее средство от простуды.

— Не надо.

— Сама говоришь, что у тебя дети есть. Лучше с огорода нормальное, чем искусственное и с добавками. Так что держи и не спорь.

Вот тут мне точно стало неудобно. Он же мне ещё банку протёртой облепихи дал, сказав, что у некоторых аллергия, но ягода полезная. Возражений Артём слушать не хотел. Нагрузив меня сумками, весело подмигнул и сел в машину. Только я его и видела. Я его понимала. Когда у нас был большой урожай, сами соседям отдавали овощи и ягоду без задней мысли. Но сейчас всё равно было не по себе. Обманула хорошего человека. От этого было не по себе. Но ничего уже нельзя было вернуть. Как и извиниться. Вздохнув, я пошла домой.

Глава 2

Что было? Что сейчас? Что будет? Такие интересные и любопытные вопросы, на которые нет ответа. Но есть желание эти ответы найти. И вот начинаешь эти ответы искать. Пытаться понять, что произошло не так. Где был поворот, который случайно я пропустила. Может давно пора было свернуть с прямой дороги и поменять свой путь? Или я ещё не доехала до своего пункта назначения? Что было? Почему я так живу? Что на это так повлияло? Не тот техникум? Не та профессия? Почему такое сейчас? Когда нет просвета и есть лишь желание выспаться. Вся жизнь воспринимается каким-то кошмарным сном, в котором нет просвета. Что будет? К чему приведёт моя жизнь? Какой у неё будет итог? Останусь ли я этим итогом довольна или так и буду сожалеть?

Я не знала ответов на эти вопросы. Стояла на кухне и жарила картошку с грибами. От этого по квартире плыли притягательные ароматы. Чай с малиной и яблоками стоял на столе. Нос хлюпал, потому что сегодняшний дождь не прошёл даром. Но болеть было нельзя. Я не могла себе этого позволить. У меня всё было рассчитано. Если проработать в таком режиме два года, то я тогда смогу избавиться от кабалы долгов. Уже как-то проболела полгода. Больше себе такой вольности позволить себе было нельзя. Нужно было работать. Утром почта. Хорошо, что ещё удалось устроиться в районе Завода, который находился в трёх автобусных остановках от моего дома. Почту я разносила по своему району и ездила ещё в Федово. Раньше работала на другом конце города в магазине. Платили больше, но так как я постоянно не успевала на последний автобус, то приходилось ехать до Завода. Там идти три километра по трассе, а потом ещё по нашей «трассе для ралли» тащиться. Фонари к тому времени уже не работали. Поэтому я освещала дорогу с помощью фонаря. Так себе возвращение домой. Страшно, холодно и сил нет, а утром опять на работу. Теперь же я работала в трёх местах, но зато не таскалась по ночам. Почта в первой половине дня, вечером убиралась в магазине, а по выходным ещё ходила в многоэтажке три подъезда прибирать. Не скажу, что это была работа, о которой можно было мечтать, но деньги она приносила. Если были деньги, то значит выплачивались кредиты. Выплачивались вовремя кредиты — никто не звонил по ночам и не угрожал меня в лесу зарыть. Это меня устраивало. Да и на жизнь хватало, что тоже радовало.

— Лора? Чем это ты занимаешься? — Из коридора выплыл Иван, гражданский муж Рады. Я его терпеть не могла. Слащавый тип, который был помешан на своей фигуре и внешности. Они вместе работали в фитнес-центре. Он там был тренером по плаванию. Рада работала администратором. Как-то быстро он переехал к нам. Ивану деваться было некуда. После трёх браков, от которых у него было пятеро детей, недвижимости, машины и денег у него не было. Он жил за счёт Рады, но сестрёнка, похоже, его любила. Иначе мне сложно было понять, чем она его так привлекла.

— Разве не видно? — спросила я. Он попытался обнять меня за плечи, но я увернулась. Иван лез постоянно. Он говорил, что это такая черта характера. Я же считала, что это вторжение в моё личное пространство, куда я его точно не звала.

— Какая ты вредная сегодня, — ответил он, беря яблоко со стола. — К тому же картошку жарить — это себя не уважать. В ней много крахмала.

— Нормально, — ответила я, стараясь его не упускать из вида, чтоб он не начал руки распускать. — Рада сегодня в вечернюю смену?

— Да. А я тут один тоскую. Может составишь компанию? Кино посмотрим, — предложил он. При этом растянул губы в улыбке, чем стал похож на большого лысого жаба. Отвечать не пришлось. Вернулась мама. Так как Иван её побаивался, то решил ретироваться с кухни. Они как-то поспорили с ним о здоровом питании. В итоге мама ему просто сказала, что его выставит за дверь, если он не перестанет учить её жизни.

— Чего это у нас такое на ужин? — заглядывая на кухню, спросила мама.

— Сегодня в такую ситуацию попала с этим ураганом... — вздохнула я. Всё-таки не очень удобно получилось с Артёмом. Совесть меня продолжала мучить.

За ужином я обо всём рассказала маме. Она ничего такого не увидела. Отмахнулась, вспомнив, как мы сами могли подарить кому-то ведро яблок, потому что не знали, куда их девать. По пустякам не надо беспокоиться — это было её кредо. Беспокоится надо лишь о серьёзных вещах, которые бы усложнили жизнь. Остальное не стоило внимания.

— Ты работаешь с людьми, а общаться с ними так и не научилась. Надо быть наглее, увереннее в себе. Тогда и люди будут так к тебе относиться, — сказала она.

— Будут вести себя так же нагло, как и я с ними? — рассмеялась я.

— Будут уважать. Сколько я живу, а две пятёрки уже отметила, столько наблюдая одну и ту же картину: когда человек изображает из себя неженку, такого воздушного одуванчика, то люди хотят этот одуванчик растоптать и развеять на семена. Колючек же никто не трогает, потому что поранится бояться. Надо брать то, что тебе предлагает жизнь и не бояться этого, — ответила она.

— Не могу я так. Может человек последнее отдаёт...

— А ты в это веришь? — усмехнулась она. — Мы живём в таком мире, что каждый сам за себя. Люди за копейку глотку перегрызть готовы. Добро в этом мире есть, но его делают не в ущерб себе. Лора, в тридцать лет уже пора понимать, что пока не стукнешь кулаком по столу и не повысишь голос, то тебя не услышат.

— Хорошо, когда этот голос есть. А у меня он пропал, — просипела я.

— Сколько вот смотрю на вас с Радой, столько удивляюсь. Рада — пробивная. Она добьётся чего угодно, а ты прям одуванчик, которого и ветер боится тронуть, а то разлетишься ещё на мелкие кусочки.

— Люди разные по характеру. Если бы мы были все одинаковые, то нам было бы скучно, — ответила я.

— Меня в выходные Петя приглашает на рыбалку, — перевела она тему разговора.

— На рыбалку? А ты любишь рыбалку?

— Пока не знаю, — пожала она плечами. Потом рассмеялась. — Пусть и бюджетный отдых, зато хоть какое-то развлечение.

— Я смотрю у вас всё серьёзно? — спросила я. Роман Петра Семёновича с мамой я наблюдала уже год. С его стороны это был неприкрытый интерес. Она же развлекалась. Он приходил к ней в магазин каждый день, когда была её смена. А то и по нескольку раз на дню, пока не решился пригласить в кино, театр, теперь вот на рыбалку. Бывший учитель русского языка и литературы, теперь занимающийся работой на дому. Я так и не поняла, чем он там на жизнь зарабатывал, но ему на жизнь хватало. Такой интеллигентный мужчина, который оказался заядлым рыболовом. Недавно осиротел. Жена от него ушла ещё лет двадцать назад. И этот кавалер имел явно серьёзные виды на маму. А вот её планов я не понимала.

— Куда там? Так, развлекаемся. Дети выросли. Можно и погулять немного. Я только не

знаю, как тебя с этим оставлять. — Она кивнула в сторону комнаты, где сейчас прятался Иван.

— Мне не пять лет.

— Разницы никакой.

— Я всё равно в выходные работаю.

— Так мы может с ночёвкой поедем. Неохота мне за тебя переживать. Рада, как назло, в вечер работает, — сказала мама.

— Щеколду поставлю. Давно пора было это сделать, — ответила я. — Сама говоришь, что нет проблем, которые нельзя разрешить.

— Это точно. Главное — руки не опускать.

Ночью я долго не могла уснуть. Голова была дубовой. Только стоило закрыть глаза, как я проваливалась в какие-то кошмары. Я стояла на остановке, а на меня неслась машина, что светила фарами. Я просыпалась за миг до столкновения. Об этом маме я ничего не рассказала. Зачем лишний раз волновать? Кошмары же рано или поздно пройдут вместе с простудой.

Что было? Что сейчас? Что будет? Жаль, что ответить на эти вопросы я не могла. Слишком всё было сложно. Как и любая жизнь, любого человека на этой планете. Путанно и сложно. Ответ был только на самый простой вопрос. Я всё же простыла. Теперь надо было идти в аптеку за лекарствами. А это лишние траты, которых не избежать...

Тяжело работать, когда хочется спать. Нормальные люди с температурой лежат в кровати, зарывшись в одеяло. Смотрят сны или требуют горячего чая. Вместо этого я сортировала письма и извещения по домам моего маршрута, чтоб их было проще доставать. Всё отметить. Всё посчитать. Записать. И назад на остановку. Там дожидаться автобуса и вернуться в свой район.

Вроде не такая уж сложная работа. Да и одновременно спорт. Только, что кажется легко на первый взгляд, на деле оказывается тяжело. Сумка оттягивает плечо. Писем не так уж много, как и счетов. Но бандероли с рекламой журналов — это жуть. Они тяжёлые и бесполезные. Обман людей, который не попадал под закон об обмане. Ещё была газеты и реклама. Мусор, который потом выкидывали. В такие моменты я с сожалением смотрела на бумагу, думая, что можно спасти столько деревьев.

Постоянные клиенты, которые выписывают газету или журнал ещё со времён перестройки. С ними можно перекинуться словами. Посетовать на погоду или цены в магазине и бежать дальше. Мне нравилось работать с людьми, но и близко их я к себе не подпускала, считая это лишнее. Так повелось изначально из-за нехватки времени. На любое же общение нужно время. В сутках же всего лишь двадцать четыре часа.

На работе время пролетало незаметно. Ходишь от одного дома к другому, поднимаешься в квартиры. В нашем районе было много трёх и пятиэтажных домов и три девятиэтажные «свечки», которые были в три подъезда. Стояли они кучкой, как свечи на торте. Сам же район напоминал торт-остров. С одной стороны этого острова было поле-болото. За ним сразу начинались домики деревни, что стояли вдоль железнодорожной ветки. С другой стороны нашего района шли гаражи. Их было очень много. Каменные гаражи стояли линиями. Там постоянно кто-то крутился. Некоторые использовали гаражи, как погреба, складировав туда овощи с огорода, другие открывали частные шиномонтажки. Я ещё в колледже училась, когда о гаражах ходили самые разные слухи. Сейчас слухов стало меньше, но гулять там я всё равно не советовала бы никому.

Закончив работу, я зашла домой выпить чаю. Горло драло колючей проволокой. А дома, как назло, ничего не было. Хотелось завалиться в кровать. Но нужно было ехать в город. Аптеки в нашем районе не было. У нас и магазинов было немного. Один частный продуктовый, палатка с овощами, хозтовары, где работала мама и сетевой магазин, там по вечерам я полы тёрла. Аптеку открывали лет десять назад, но там такие цены заломили, что мы все покупали лекарства в городе. У нас же её быстро закрыли, посчитав нерентабельной.

Остров он и оставался островом. Мы вроде и числились за городом, но городу на нас было плевать. Сад закрыли ещё пятнадцать лет назад. Школы не было. С нашей стороны было ошибкой покупать здесь квартиру. Хотя мама планировала быстро расплатиться с ипотекой, а потом продать эту квартиру и купить ближе к центру трёхкомнатную. Или сразу две квартиры: однокомнатную и двухкомнатную. Она ставила на Раду, которая должна была окончить институт и найти хорошую работу. Но грянул кризис и работу найти было сложно. Она с трудом устроилась администратором. И то по знакомству. Недаром говорят, что мы предполагаем, а высшие силы ставят всё по своим местам. Им виднее, чем нам.

Проходя мимо зеркала в прихожей, я аж вздрогнула, когда увидела своё отражение. Это же жуть какая. Лицо из-за температуры покрылось пятнами. Под глазами чёрные круги. Эти круги сложно было спрятать очками. Губы обветрились. Пряди волос свисают верёвками. Ещё и нос красный. Вот что значит красота — страшная сила. Надев медицинскую маску, чтоб других не заразить, я поехала в аптеку.

По дороге попадалась детвора, которая шла из школы. Нарядные. Первое сентября. Праздник. Дети перескакивали через лужи или обходили их аккуратно. О чём-то разговаривали. Смеялись. Кто-то шёл серьёзный и сосредоточенный.

Я смотрела на них и не понимала родителей, которые жили в нашем районе и заставляли детей ходить в школу по такой плохой дороге. Когда дорога была после дождя, то автобус не заезжал в район, а доезжал лишь до поворота. Мы пытались жаловаться, но хозяин автобусного парка сказал, что доход от маршрута не покрывает ремонт автобусов. Дорогу же город ремонтировать отказывался. Для начала надо было центр отремонтировать, а уж потом браться за окраину.

В такие моменты я была рада, что у меня не было семьи и не было всех проблем, с которыми сталкивались те, у кого были дети. Хотя бы в моём подъезде, где на первом этаже жила Таня с близнецами. Коляска в автобус не пролезала. Своей машины у неё не было. Она всех родственников просила с ней в поликлинику съездить. Да кто согласится тащить малышкой на себе столько километров. Поэтому они довозили коляску до автобусной остановки. Ждали, когда она съедит в поликлинику, а потом подвозило коляску назад к остановке. Промучившись так где-то полгода она уехала на съёмную квартиру. Теперь же эта квартира пустовала. Нужно было иметь хорошее здоровье, чтоб выдерживать нашу дорогу. Этим могли похвастаться не все.

Мне было всего тридцать лет, а брюзжала я как древняя старуха, которая была недовольна всем в этом мире. Отчасти это было так. Разве можно было радоваться, когда вся жизнь напоминает аттракцион с горками, но я неслась не вверх, а летела вниз на хорошей такой скорости. Тормоза вагонетки не работали и казалось, что я не смогу остановиться, а значит разобьюсь.

Серые тучи на миг разошлись. Выглянуло солнце. Лучи заскользили по лужам, покрывая поверхность воды искорками света. Откуда-то сбоку выпорхнула стайка птиц. Они с шумом пронеслись дальше, играя в догонялки и весело щебеча. А ведь у них жизнь была не

такая уж лёгкая, но они умели радоваться, не обращая внимание на страшных кошек и людей с их машинами и техникой.

В воздухе пахло осенью. Сентябрём, астрами и лужами. Вчерашний ураган начал забываться страшным сном. На душе становилось теплее, когда солнце пыталось пробиться сквозь маску, шарф и низко надвинутую шапку. Или это был жар? Но лучше пусть будет жар, чем озноб.

Наверное ради таких моментов и стоит жить, чтоб чувствовать солнце, слышать птиц, ощущать прохладу ветра. И пусть вокруг жизнь серая, но если присмотреться, то можно увидеть много красивых вещей, которые находятся вокруг нас. Даже подошедший вовремя автобус и свободное место может приносить радость и спокойствие.

Автобус петлял мимо заводской зоны, потом нырнул в жилые районы, проехал мимо войсковой части, чтоб потом повернуть к другому заводу. Я смотрела на грязный бетонный забор, кирпичные здания с толстым слоем грязи на окнах и солнце, которое всё это не мешало радоваться жизни. Всё-таки солнце было оптимистом, настроение которого нельзя было ничем испортить.

В начале Заводского района был пяточок из десятка магазинов. Здесь было два сетевых магазина, несколько палаток, где торговали молоком, мясом и хлебом, палатка с овощами и арбузный развал. Ещё здесь был магазин одежды для всей семьи, отделение банка и моей почты. Зоомагазин зазывал надувной собакой к себе в гости. Напротив висел плакат, что в комиссионке, где торговали техникой действуют скидки. Парикмахерская объединилась с цветочным магазином и теперь рекламировали цветы и причёски вместе. Теоретически это было актуально. Сегодня как бы праздник. Мама хотела выглядеть не хуже детей. Заодно и букетик для детей прикупят по скидке. Или наоборот, шли за букетом, а тут причёски делают по праздничной скидке.

Аптека. Здесь были недорогие лекарства. Была ещё одна на окраине Заводского района, но там цены кусались. Проще было проехать две дополнительные остановки, чтоб купить лекарство. Единственный минус этой аптеки был тот, что она работала с девяти утра, когда я уже гуляла с сумкой по своему району.

Очередь в аптеки была человек десять. Бабушки с клюками и рецептами на лекарства. Детвора за аскорбинкой и гемостагеном. Вроде сейчас в магазинах можно купить любые конфеты и батончики по весьма приемлемой цене. Но детвора всё равно забегала за аптечными витаминами.

Кашель. Эта простуда была невозможной. Она выпивала все силы. И как раз подошла моя очередь.

— Десять масок, от кашля, температуры и простуды. Что-нибудь действенное, — попросила я. И ведь были названия лекарств на языке, но пока кашляла, то все они вылетели из головы.

— Всё-таки простыла, — ответил знакомый голос. Я посмотрела на фармацевта. До этого мне не доводилось в аптеке видеть фармацевтами мужчин. Только в кино. К тому же это был Артём, которому я вчера наврала.

— Да. Ещё и от горла.

— Полный комплект, — мягко сказал он и пошёл набирать лекарства. Я же только подивилась, что земля круглая. И за короткий срок я его встретила уже второй раз, хотя до этого не встречала ни разу.

Я просто потерялась во времени. Из-за простуды не было сна по ночам. Днём же была работа. Таблетки снимали симптоматику, но не убирали сонливость. Уже не первый раз я замечала, что если простуда привяжется, так сразу на несколько недель. Просто так она отвязываться не хотела. Голова кружилась. Слабость. И никакого настроения. Даже музыка не радовала. От неё только в ушах звенело. Короче, жизнь всё сильнее и сильнее закручивала гайки.

Выходные я убиралась в многоэтажке. Там жильцы организовали ТСЖ, или как там называли такие организации, но вышло у них удачно. Красивые и чистые подъезды. В каждом из них консьержки. В одном так и вовсе охранники сидели. Чаще всего смены выпадали вахтовику-Мишке, который приезжал из глухой деревни, куда можно было на лодке добраться или по окрепшему льду. Мы с ним неплохо общались. Он меня всё звал замуж. Обещал к себе на остров увезти. Всё это был смех. Сам-то Мишка мечтал окрепнуть в городе и зацепиться здесь. Если бы он к своим желаниям добавлял целеустремлённость, то у него бы что-то и вышло. Но Мишка был слабым человеком, который получал зарплату и сразу её спускал на развлечения. Среди этих развлечений были ставки и игорные столы в частных квартирах. В итоге у него часто деньги заканчивались ещё до того момента, когда он доезжал до дома, поэтому прогуляв недельку, он оставался на следующую вахту.

— Чего там на улице? — спросил Мишка, когда я зашла в подъезд.

— Мне всё едино, — ответила я, набирая у него воду. Его место работы состояло из небольшой комнаты, которая включала в себя не только место, где он сидел, но и закуток с кроватью, небольшой кухней и санитарным уголком.

— Совсем себя загоняла. Можешь на пять минут подменить. Я в магазин сгоняю, — попросил он.

— Давай уберусь, тогда и подменю.

— Я к тому времени от голода помру. Целый день ничего не ел, — сказал Мишка. — Так посидишь?

— Давай. Иди в магазин, но не как в последний раз, когда тебя не было час.

— Так очередь была, — скорчив невинное выражение лица, ответил Мишка. Я только отмахнулась. Он быстро накинул куртку, проверил деньги и телефон. — Если что, то звони. Я быстро.

Он ушёл. Я же села за стол. Хотелось спать, поэтому я сидела и клевала носом. Народу не было. На улице опять шёл дождь. В дождь же хочется сидеть дома. Забраться в кровать...

— Ты ещё и здесь обитаешь? — удивлённый голос пробрался сквозь дрему.

— Охранник отошёл. Сейчас подойдёт. Я тут в качестве сторожа, — ответила я. Артём был в кожаной куртке и кепке. В руке у него был зонт, с которого стекала вода. — Сильно льёт?

— Как из ведра, — ответил он, стряхивая капли воды.

— Не люблю сырость, — машинально ответила я, представляя как придётся опять промокнуть.

— Осень — это время дождей. Разве не так?

— Осень бывает разная. Иногда она красивая и золотая, — ответила я. В этот момент меня разобрал чих.

— Не поправилась?

— Нет. Эта простуда когда-нибудь меня доконает. В какую квартиру идёшь? Здесь надо каждому звонить и спрашивать, ждут ли гостей.

— В курсе. Не первый раз. Ты не подумай чего-то дурного. У меня тут одноклассник живёт.

— А чего мне думать? Я всего лишь выполняю свою работу, — ответила я. В этот момент вернулся Мишка.

— Проблемы? — спросил он.

— Никаких проблем, — ответила я, уступая место и берясь за ведро. Пора было приступать к работе.

Жизнь. Она кипела в доме, хотя изначально и казалось, что в доме никого нет. Пустые лестничные пролёты. Тишина. Но за дверьми квартиры была слышна музыка, лай собак, смех детей или плач. Кто-то ругался, а кто-то двигал мебель. Пылесос. Жизнь кипела, но внутри квартир. На лестнице же была тишина. Я спокойно работала, наблюдая, как после тряпки остаются влажные следы, а пол становится чище, чем был. Мир делился на две части. В одном была жизнь, а в другом было существование. Какое-то подобие жизни, в котором приходилось двигаться, ради движения. Ради другого мира, где становился чище пол из-за моих действий.

Когда-то давно я верила в сказки. Добрые и светлые сказки, которые должны были раскрашивать мир. Они вселяли в надежду. Заставляли двигаться вперёд, пока однажды я не споткнулась. Сказка — это всего лишь сказка, а реальность — это реальность. И вот сейчас реальность закончилась на первом этаже. Грязная вода была вылита. Ведро и тряпка убраны в кладовку.

— Лор, будешь мороженое? — предложил Мишка.

— Давай, — согласилась я. Он протянул мне стаканчик с белым мороженым, который напоминал снег. Мягкий белый снег, со вкусом сахара и молока. — Спасибо.

— До среды?

— Да, — ответила я. — Забегу в среду.

— Давай и не шмыгай носом.

Я взяла сумку и зонт. Улыбнулась на прощание Мишке и пошла на улицу. К тому времени дождь закончился. О нём напоминали лишь крупные капли, что падали с листьев. Интересное состояние простуда. То сидишь как в тумане, то мир начинает казаться ярким, как в фильме с высоким разрешением.

Скинув капли дождя с перил забора, я села на эту железку. Достала мороженое. Двор был рядом с домами, где я убиралась. Начинало смеркаться. Постепенно зажигались фонари. Вначале появлялся тусклый свет, едва заметный. Он только предупреждал, что когда стемнеет, то сможет разогнать мрак. Сизые сумерки прощались с днём. Наступало время ночи. Сырой и холодной, с паром от дыхания и огнями ночного города.

— Меня ждёшь? — спросил Артём.

— Отдыхаю, — сипло ответила я. Всё-таки не самая хорошая идея была есть мороженое.

— Подвезти? — предложил он.

— Сама доберусь.

— Это говорит женщина, которая должна стремиться к милому и детям? — спросил он.

— Я тогда соврала, — ответила я. С вызовом посмотрела на него. Правду сказать лучше,

чем обмануть, но тяжелее.

— Ясно, — он посмотрел куда-то в сторону. Потом опять на меня. — Так как? Поедем? Или так и будешь сидеть и мёрзнуть?

Заманчивое предложение. Добираться до дома на машине или ждать автобуса, который ещё будет минут через сорок. Я только кивнула. Раз ему всё равно по пути, то почему бы не поехать.

— Тогда пошли.

Он припарковал машину неподалёку. Не стал заезжать во двор. Знакомая машина. Тепло, потому что он сразу включил печку.

— Я только в одно место заеду, а потом сразу поедем домой, — сказал он.

— Смотрю ты починил стекло.

— Починил. И капот выправил. Сегодня её из покраски забрал.

— Ясно.

— Надеюсь, ты сегодня больше никуда не торопишься?

— Нет. У меня ещё три часа до начала смены. Но там быстро. И домой, — зевая, ответила я.

— Это называется не торопишься? — усмехнулся он.

— Три часа — это много. Если не совпадает с твоими планами, то высади на остановке.

— Успеем. Ты носом клюёшь.

— Ночью сна почти нет. Неудобно, что так вышло в тот раз.

— Из-за этого у тебя бессонница? — спросил он.

— Не совсем. Простуда и усталость.

— На что хоть так зарабатываешь?

— Долги. Два года назад в аварию попали с мамой. А у нас была ипотека. Ещё нужно было платить кредит на мебель и ремонт. Тут же больничный на полгода. Пришлось брать другие кредиты, чтоб те гасить и на что-то жить. Вот и приходится крутиться. Ещё немного поработаю и погашу хотя бы часть из них.

— И сколько тебе работать в таком темпе?

— Два года. Это не особо напрягает. Если не болеть.

— Ну да. Жить на работе — это нормально.

— Главное, что есть возможность работать. Сложнее всего, когда этой возможности нет, — ответила я.

Какое-то время мы ехали молча. Артём доехал до центра. Выдача интернет-заказов. Пока он ходил за посылкой, я переговорила с мамой, которая носа не показывала из палатки из-за дождя. После такого отдыха она сомневалась, что правильно сделала, согласившись поехать на рыбалку. Её же кавалер был в полном восторге от поездки. Это меня развеселило.

— Чего смеёшься? — спросил Артём, возвращаясь в машину.

— Всё-таки мужчины и женщины существа с разных планет. Что нравится одним, то не нравится другим.

— Не факт. Много и общего.

— Но чаще мы разные, — ответила я.

— Даже если это и так, то интересно же, когда две разных человека неожиданно находят много общего и становятся единым целым. Для этого же есть все предпосылки, — ответил Артём.

— Пошло как-то звучит про единое целое.

— А это уже кто о чём думает, — рассмеялся Артём. — Лично я думал про единство интересов, а не про единство тел.

— Давай переведём тему. А лучше и вовсе помолчим, — предложила я.

— Молчать, когда есть время для разговора — это не дальновидно. Когда у нас с тобой ещё будет время поговорить? Телефон ты мне свой не дашь. Гулять не пойдёшь, потому что времени нет. В гости не придёшь, потому что будешь думать о всякой гадости. Так вот когда у меня будет время тебя заинтересовать?

— Зачем меня заинтересовывать? — спросила я.

— Может потому что ты заинтересовала меня? — он посмотрел в мою сторону. Я же только вжалась в кресло, желая в этом кресле раствориться.

Заинтересовала. Что во мне может интересовать? Была бы внешность или деньги, то я бы поняла. А так? Очки на носу. Волосы из-под шапки торчат как у чучела. Говорит, словно я себя в зеркале не видела. Или сейчас в отражение стёкол видна не я, а другая женщина. Нужно реально оценивать свой вид. Я это и делала, не веря в грубую лесть.

Такие слова просто так не говорят. Человек явно последует какую-то цель, раз льёт такие нелепые комплименты. Вот только зачем ему было притуплять мою бдительность? Если только он не заманивал одиноких женщин для обмана и дальнейшего своего обогащения. Мы хотя и жили в двадцать первом веке, но люди продолжали жить по закону силы и хитрости.

Я никогда не жаловалась на недостаток фантазии. Тут же прямо она разыгралась не на шутку. Подстёгиваемое воспалённым сознанием, воображение рисовала одну картину чудовищнее другой. В итоге я уже готова была выпрыгнуть из машины, коры себя, что я совершила непоправимую глупость, когда согласилась сесть в машину к Артёму.

— Ты себя слишком сильно накручиваешь, — спокойно сказал Артём. — Это до добра не доведёт.

— С чего ты решил? Я само спокойствие, — возразила я, хотя нервы были напряжены.

— С того, что ты сидишь, как на раскалённой сковородке. Нервно смотришь на меня, будто я тигр, готовый в любой момент прыгнуть на тебя и сожрать, то и дело кладёшь руку на ручку двери, по щеке стекает капелька пота, а губы все искусаны.

— Какой ты наблюдательный, — сипло сказала я. Голос начал садиться, а ощущение, что Артём не такой уж простой человек, становилось всё сильнее.

— Ты любишь триллеры?

— Не особо.

— Тогда не придумывай жуть. Её и без нас с тобой придумают. Я не маньяк.

— Недавно фильм смотрела, так там весьма обаятельный парень был маньяком. Никто не мог поверить, что он совершал все эти злодеяния. Внешность далеко не гарантия чистой совести.

— Значит, по внешности я могу претендовать на симпатичного человека?

— Я не это имела в виду, — поспешно сказала я, но он уже рассмеялся.

— С одной стороны, все эти фильмы заставляют задуматься, прежде чем кому-то доверять, но с другой — вызывают столько недоверия, что пробиться через стену женской подозрительности всё сложнее и сложнее. Женщины не доверяют мужчинам, мужчины опасаются женщин, а в итоге страдают все.

— Как будто мужчинам есть что терять.

— Думаешь, что мужчин не обманывают? Всегда есть шанс на своём пути встретить

коварную соблазнительницу, настолько искушённую, что перед ней не устоит мужчина. Он к ней пойдёт со всей душой, а она его разведёт на деньги. Мы же доверчивые существа, хотя со стороны вы нас считаете суровыми и неприступными. Но разве суровые и неприступные скалы протянут руку помощи даме, попавшей в беду?

— Жестоко так бить по больному. Я не хотела знакомиться. Вот и соврала про мужа и детей, — ответила я.

— Это ерунда. Даже не вспоминал об этом. Не думаю, что с твоей стороны это была обдуманная и целенаправленная ложь. Скорее это был акт защит. Ты не могла защитить себя, поэтому и придумала себе мужа, который должен был тебя защитить. Дети шли бронёй, которая должна была отбить всё моё желание продолжить общение. Вполне понятная реакция. А про обман я вспомнил, как недавно читал, что женщина познакомилась с мужчиной. Он предложил её к себе. Она ответила банальное, что денег нет. Попросила его выслать тысяч шесть на такси. Плюс по пути она обещала зайти в магазин, стол накрыть. Он и выслал. Больше она на связь не входила. Почему нельзя было самому в магазин сходить и встретить её у подъезда, а там такси оплатить — история умалчивает. Но при этом невольно вызывает уважение, тот человек, который так сумел мужику голову запудрить, что он ничего не заподозрил.

— Это уж слишком наивный человек, — заметила я.

— Мы все становимся наивными, когда считаем, что встретили свою судьбу. Всегда есть вероятность, что случайная встреча окажется той самой одной-единственной и на всю жизнь, — мягко сказал он. В его словах прозвучала нотка нежности и мечтательности, которая пробила стену недоверия. Умом я понимала, что эти слова ничего не значат, но они казались искренними. — Людям сложно быть одним, хотя они и не любят себе в этом признаваться, потому что это слабость. Зависеть от другого человека, делить его настроение и заряжать своим, чувствовать и узнавать — всё это сложно, но интересно. Не хочешь всё это испытать?

— С тобой? — рассмеялась я.

— Чем тебя не устраивает моя кандидатура?

— Не вижу в этом смысла, — ответила я.

— Почему?

— Мне некогда общаться с другими людьми.

— А с кем есть время?

— Я тебя не понимаю. Лет так пять назад, я ещё готова была выкроить время на все эти прогулки под луной. Тогда я ещё верила, что это нужно. Сейчас же думаю, что любые отношения — это трата времени, которое можно провести с большей пользой.

— Трата времени? А мне всегда казалось, что это приятное времяпровождение. Из чего состоит наша жизнь? Из работы, дома, семьи. Разве не приятно прийти домой, а тебя кто-то встретит.

— Собака? — спросила я.

— Необязательно собака, — рассмеялся Артём. — Человек, который будет разделять твои интересы. Тот, с кем просто интересно фильм посмотреть. Или музыку послушать. Обсудить новость, спланировать отпуск, обсудить меню на праздничный ужин. Или я что-то не понимаю?

— Всё это трата времени.

— Хорошо. А что тогда не трата? Мыть полы в подъезде по выходным?

— Зря ты на меня злишься.

— Я не злюсь, — ответил Артём. — Но не понимаю.

— Тут нечего понимать. Смотри сам. Пока у меня есть план. Есть чёткий режим работы. Я знаю, что получу в финале. Нужно лишь потерпеть. Ты мне предлагаешь всё это бросить, чтоб погулять несколько вечеров, а потом понять, что это всё пустое.

— А если не пустое? — спросил он. И как-то в его голосе прозвучала странная нотка, заставившая меня посмотреть на него. Спокойное лицо. На губах лёгкая улыбка, уверенного в себе человека. Казалось, что он руководит своей жизнью, а не она им. Но это могла быть лишь маска, которую надевают люди, чтоб понравится другим. Я с таким уже сталкивалась. На деле же человек оказывался легкомысленным и боящимся проблем. Второй раз в такую ловушку попадать не хотелось.

— Я не верю в судьбу, сказку и другую ерунду. Люди ищут любовь, но чаще встречаются по расчёту. Это же своеобразный самообман. Встречаться по расчёту — это значит обманывать пустоту в душе. Душа же обмана не прощает, — ответила я.

— Ты ищешь безумную любовь, которая вспыхнет здесь и сейчас, забывая, что любовь может появиться постепенно?

— Слишком рискованно ждать любовь, которая может вовсе не возникнуть. Пока мы будем ждать, когда любовь появится, то окажемся в плену быта, долгов, детей и других обязательств. Но со временем любовь может возникнуть к другому человеку. Это будет как молния, сильный порыв, что невозможно контролировать. Тогда начнутся несчастья в семье. Обман, недоверие, обвинения и страдания.

— И чтоб всего этого не было лучше не рисковать и жить в привычном ритме, — закончил он мои слова.

— Как-то так. Это ведь намного проще.

— Но проще не значит правильное.

— Не значит, — согласилась я. — Но если рисковать, то риск должен быть оправдан.

— А мне нравятся твои мысли. Ничего лишнего. Хороший здоровый цинизм.

— Это не цинизм, а здравый смысл.

— Лор, но проблемы будут всегда. Ты решишь одни и тут же появятся другие. Пока ты будешь ждать, когда жизнь перестанет быть сложной, то она пройдёт мимо тебя.

— Не думаю, что моя жизнь пройдёт мимо меня, если я откажусь гулять с первым встречным человеком.

— Значит, должно быть несколько встреч? — заинтересованно спросил он.

— На которые нет времени.

— Даже не даёшь шанса.

— Шанс? А когда его дать? У меня сейчас все мысли — это как лечь спать. Или чай с вареньем выпить и спать.

— Ужин? Или он в твои планы не входит?

— Сегодня не входит. Сил нет. К тому же на это нужно время.

— А у тебя его нет, — ответил Артём.

— Не в этом дело. Там Иван болтается. А он тип неприятный. Когда он дома, то лучше на кухне поменьше появляться. Закрывать дверь в комнату и всё, — ответила я. Артём промолчал. Мы начали петлять по дороге в районе Завода. Я лишь на миг прикрыла глаза и чуть не уснула. Это в машине малознакомого человека! Хорошо, что закашлялась и это вывело из состояния дремоты.

— Ты знаешь какие осложнения может возникнуть, когда простуду переносишь на ногах?

— Хочешь мне лекцию прочитать? — хмыкнула я.

— Хочу, но ты слушать не будешь.

— Поэтому оставим эту тему.

— Хорошо. Оставим, — не стал он спорить. Почему-то от этого стало немного обидно. Хотя это всё верно. Не стоит даже пробовать... — Как насчёт чая? Так как времени у тебя нет, то будем пить его или у тебя, или у меня.

— Нагло.

— До начала рабочего дня у тебя ещё два часа. Чего будешь делать? Как это время проведёшь? На улице болтаясь или прячась от этого Ивана, который тебе покоя не даёт? Лучше мы пойдём к тебе. Посидим на кухне и попьём чай с малиной. Заодно и пообщаемся.

— Ты же сам сказал, что мы закрыли тему...

— Одну закрыли, так другую открыли. Согласна?

— Зачем тебе это?

— Сказал же, что есть к тебе интерес, — ответил он.

— Но у меня к тебе интереса нет.

— Подумай о выгоде. Мы с тобой можем выгодно сотрудничать. Ты можешь использовать мой интерес в своих целях.

— А если я не хочу никого использовать?

— Из-за этого ещё не выбралась из долгов. При должном уме, смелости и наглости с этим справилась бы на раз.

— Осторожнее. Тут уже твои слова граничат с оскорблением. Я не продаюсь, — предупредила я.

— Я не покупатель. Так у кого будем пить чай? Соглашайся. Это выгодно тебе.

— Какая выгода у тебя?

— Время. Его будет намного больше, чем наша совместная дорога, которая уже подходит к концу. И за такой короткий промежуток времени будет сложно узнать друг друга лучше.

— Только чай?

— Лора, мы слишком мало друг друга знаем. К тому же у тебя там какой-то крендель будет ходить, которого ты опасаясь. Так что?

Предложение было дикое и одновременно заманчивое. Иван бы на какое-то время притих со своими обнимашками. Но это тогда выводило случайное знакомство на другой уровень, что вызывало опасение. При этом я в тот раз его обманула... Но вряд ли маньяк стал бы набиваться в гости. Он бы меня в гаражи повёз. Аферист? Так у меня брать нечего.

— Я не кусаюсь, — добавил Артём.

— Я не по этому поводу опасаясь. После чая последуют и другие предложения. Там и до ужина недалеко. Номера телефона...

— А телефон — это такая вещь тайная? — рассмеялся он. Затем вкрадчиво добавил. — Соглашайся.

— Надо подумать.

— Пока будешь думать время уйдёт, а его и так нам отпущено слишком мало, — ответил Артём.

— Впереди вся жизнь.

— Ты знаешь сколько тебе отмерено? Не боишься чего-то не успеть? К тому же твой перерыв скоро закончится.

Он сидел напротив меня. Бирюзовая рубашка и чёрная вязаная безрукавка придавали Артёму официальный вид, но шли. Он неторопливо мешал чай и смотрел на меня с мягкой улыбкой. Улыбки у людей бывают разные. Сколько раз замечала. Порой это вежливо-услужливые, порой улыбка скрывала задор и веселье, а порой это было снисхождение, а то и вовсе прощение глупости. Редко когда я видела именно мягкие улыбки, за которыми скрывалось счастье и удовлетворённость жизнью. Артём явно на жизнь не жаловался. Это было видно по его виду: по широким плечам, прямому взгляду и по мягкой улыбке, что вызывала лёгкую зависть. Хотела бы и я так улыбаться.

— У тебя здесь мило, — сказал Артём, при этом смотря на меня.

— Я редко бываю дома.

— Заметил. Значит, ты живёшь с мамой, сестрой и её мужем?

— Да. А ты? — неожиданно спросила я.

— С родителями. И переезжать от них я не намерен. Они уже в возрасте, когда уже надо им помогать.

— Ясно.

— Когда пытался с кем-то знакомиться, то это часто отпугивало женщин.

— Может потому что они хотели полного владения тобой? — предположила я.

— А разве можно кем-то владеть? — спросил он. На лице появилась заинтересованность в моём ответе.

— Нельзя, но некоторым очень хочется, — ответила я. — Странное желание, но имеет место быть.

Хлопнула входная дверь. Вернулся Иван. Я сидела напротив коридора, поэтому увидела его. Артём сидел у дальней стены, поэтому Иван его не заметил. Я же закашлялась.

— Бацилла ходячая. Может не будешь здесь заражать? — сказал Иван. — Но тебе повезло. Меня ничего не возьмёт! — Он зашёл на кухню. Полез обниматься.

— Хороший иммунитет не повод так уж активно проявлять чувства, — спокойно сказал Артём. Иван резко отскочил от меня. Посмотрел в сторону Артёма.

— А... Не заметил, что у нас гости, — сказал Иван. Мне же приспичило в ванную. К тому же не хотелось слушать, что скажет Артём. Жар. Холодная вода кажется чем-то приятным, как мороженое. В сумке лежали таблетки. Выпить и снять жар. А потом на работу. Нужно только переодеться.

Слабость. В голове ерунда. Желание остаться одной. Выйдя в коридор, я услышала приглушённые голоса. Пока меня не хватились, можно было переодеться. Жар, пот — всё это намочило футболку.

— План такой. Вначале мы тебя приводим в норму. Ставим на ноги. Потом знакомимся ближе. Погулять сходим. Съездим куда-нибудь. Узнаем о вкусах, предпочтениях и так далее. Так как ты вся слишком занята, то мы будем с тобой играть от финала ухаживаний. Сегодня ужинаем вместе, — заходя в комнату, сказал Артём. — Если ничего из этого не получится, то хотя бы будем дружить.

— Мог бы и постучаться, — ответила я.

— Так как насчёт моего предложения? — проигнорировал он мои слова.

— Живёшь по принципу наглость второе счастье?

— На самом деле, я очень скромный человек. Но если я сейчас буду медлить, то потеряю тебя. Грубо говоря, сдохнешь ещё, как та лошадь, что не выдержала работы.

— Не сдохну. Я крепкая, — возразила я, падая на подушку поверх одеяла.

— Ну, проверять крепость твоего организма не хочу, — ответил Артём. Закрыл дверь. После этого подошёл ко мне. Присел напротив. — Люди существа хрупкие и часто не рассчитывают свои силы.

— А ты с другой планеты?

— Угу. С Альфа-центавра, — усмехнулся он. От его взгляда стало тепло. Или это температура играла со мной злые шутки? — У меня желание тебя забрать отсюда. Поселить у себя. Не давать тебе себя загнать.

— Жалость? — спросила я.

— Нет, — он поджал задумчиво губы. Посмотрел куда-то вверх, а потом решительно покачал головой. — Сейчас пытался вспомнить, а испытывал ли я когда-нибудь жалость? Так и не вспомнил.

— Тогда ты страшный человек, — сказала я.

— Возможно. Ты сама не белая и не пушистая. Во снах тебя вижу. Правда не такую замученную, — ответил он.

— Это сильно. Я никому не хотела сниться.

— Было бы здорово, чтоб чувства возникали у людей по их желанию. Вот живёшь, никого не трогаешь. Спокойно работаешь. Потом приходит срок обзавестись семьёй. Идёшь в контору. Там тебе подбирают пару в соответствии с твоими запросами и запросами второй половинки. Когда интересы совпадают, то происходит знакомство. Во время ужина каждый выпивает волшебную таблетку и сразу вспыхивают чувства.

— Тогда не было бы процента, когда сходятся полные противоположности, — ответила я.

— Или тогда люди не стали тратить время на других людей. Зачем пить какие-то таблетки, с кем-то жить, когда нет в этом потребности? Для продолжения рода? Так можно сдать биологический материал, а в лаборатории вырастят нового человека, который будет приносить пользу обществу, работая на это общество.

— Но уйдут многие связанные с эмоциями профессии, — возразила я.

— Сейчас их и так пытаются заменить компьютером. Так почему в таком будущем не будет искусственного интеллекта? Да и разве понадобятся такому обществу творчество?

— Жуткое у тебя получилось общество. Безэмоциональные роботы, которые живут ради работы, — прошептала я.

— А я одного такого робота знаю, — ответил он. И опять в его взгляде появилась теплота, а на губы мягко легла улыбка. Подушечками пальцев он скользнул по моей щеке. Почти невесомое прикосновение вызвало волнительную щекотку по коже, поднимая в душе искорки, как от газировки. — Работает себе, ничего и никого не видит, ничего не знает и не чувствует.

— Может чувствую, но знаю, когда для этого есть время, а когда нет, — ответила я, думая, что жар сыграл плохую шутку. Будь я в более собранном состоянии, то не допустила бы такой ситуации.

— Так мы живём в другом обществе, где чувства не спрашивают, когда им приходиться, а когда затухать, — ответил он.

— У тебя странное выражение лица, — прошептала я. Хотелось бы понять в чём была

эта странность, но я не понимала. Глаза начали закрываться.

— Ты просто устала, — ответил Артём, забирая у меня очки. — Подремли. Обещаю, что ничего не украду, кроме того, что не захочешь сама отдать.

— А если я ничего не хочу отдавать? — спросила я.

— Над некоторыми вещами разум не властен, — ответил Артём. Хотелось с ним поспорить, но не вышло. Слишком сильно я устала. Успев прошептать, чтоб он меня разбудил в половине шестого, я уснула.

Любовь приходит внезапно. Иногда она ударяет молотом по голове, заставляет сердце биться сильнее, кровь быстрее бежит по венам, пульс учащается, а человек, что вчера был чужим становится близким. Но иногда всё возникает с интереса. Ты ещё не понимаешь зачем тебе этот человек нужен. Не понимаешь чем он отличается от других, но на подсознании возникает интерес, который не отпускает. Доверие. Вроде нет причин доверять. Этот человек ничем не доказал, что его не надо опасаться. Но ему доверяешь как себе и это пугает, потому что приходит понимание, что кто-то начинает входить в твою жизнь на равных правах.

Сон и дрёма. Бывает, что уже начинаешь спать. Тело расслабляется. Мышцы начинают отдыхать. А вот сознание продолжает работать. Мысли так и скользят. При этом о чём бы они ни были, мысли кажутся важными.

— Пора просыпаться. Кофе? Или лучше чай? — в сон влез голос Артёма.

— Лучше чай, но не откажусь от кофе, — ответила я.

— Как себя чувствуешь?

— Устало.

— Потому что тебе надо не полтора часа отдыха, а побольше. Денёк. Два. Недельку. Ты давно в отпуске была?

— Было время, когда я на больничном долго. После этого на отпуск смотреть не могу, — ответила я.

— Ясно. Но отдыхать нужно, — сказал Артём. Я посмотрела на его кружку с кофе. Он протянул её мне.

— С молоком так ещё и сахара столько, что язык нёбу прилипает.

— Там всего три ложки, — усмехнулся Артём.

— Не люблю, когда слишком сладко.

— А мне нормально.

— Чего ты улыбаешься?

— Настроение хорошее. Есть предпочтения по поводу сегодняшнего ужина?

— Не отказался от этой идеи?

— А чего от неё отказываться? Мы с тобой одинокие люди. Вечером всё равно делать нечего. Вот что ты собираешься вечером делать?

— Спать лечь, — ответила я, отпивая кофе.

— Я тоже, но для начала мы с тобой поужинаем. А потом уже ляжем спать.

— Чего-то я не готова к такому быстрому знакомству, — ответила я. Хотела улыбнуться, но вместо этого закашлялась.

— Я сам поражён как быстро развиваются наши отношения. Но что поделать? — ответил он. — Соглашайся. Это лучше, чем тут одной валяться.

— Я подумаю.

— Уже хорошая идея. Номерами телефонов обменяемся? Или по старинке будем ждать

друг друга в назначенное время? Во сколько заканчиваешь?

— В десять.

— Значит встречу тебя в десять вечера. Но может номер дашь?

Я только кивнула. Время словно начало отматываться назад. Вот окончена школа. Я в колледж езжу каждый день, а Петька рассказывает байки из деревенской жизни, стараясь выглядеть весельчаком. Мне нравятся его байки и сам он нравится, но Петька с ума сходит по Анжелы, которая только нос морщит от его историй. И тогда была осень. Только не пасмурная, а яркая и солнечная. На душе было также ярко и легко. Петька с байками, Анжела, мечтающая выйти замуж за принца, я, считающая, что жизнь неплохая штука...

— Лора...

— Хорошо, — согласилась я.

— Тогда договорились, — довольно сказал Артём.

Время. А ведь раньше я мечтала. Вроде даже любила. Не просто же так я встречалась с Васей. Самые серьёзные отношения в моей жизни, которые закончились, не успев начаться. И вот опять какой-то интерес к моей персоне со стороны мужчины. После тех отношений с Васей я и не думала, что с кем-то буду встречаться. Свидания и знакомства заканчивались неудачно. Тут же... Я не могла определиться. Он проводил меня до работы и пошёл к себе. Я же не могла понять, что он хочет.

Вечер. Работа закончилась. Теперь можно было передохнуть. Но сил не было даже на отдых. Холодный сырой вечер. Хмурый и пасмурный. Артём ждал около входа в магазин. Что-то насвистывал себе под нос. При виде меня, сразу подошёл.

— Как дела?

— Спать хочу. Давай перенесём нашу встречу? — предложила я.

— Нет. Если перенесём сейчас, то дальше встречаться не будем, — ответил он, неожиданно твёрдо. — Сейчас ты согласилась. А завтра можешь пойти на попятную.

— А если дам слово?

— Пойдём домой, — упрямо сказал он. — У меня там неплохой ужин приготовлен. Ты любишь рыбу? — Рыбу я не любила, о чём ему и сказала, потому что пачкать руки и вытаскивать кости я не любила. Артём только рассмеялся. — Эта проблема решаема. А вот что тебя вести начинает, то мне не нравится.

Меня и правда шатало, хотя я этого не замечала. А потом всё было как-то странно. Чай. Ужин, который не лез в горло. Почему-то душ и кровать, в которую я упала, чтоб не просыпаться до следующего года. В сознание же рисовались различные картины. Непонятные. Жуткие. Пугающие. Меня носило по сновидениям, как лодку в шторм. Реальность перепуталась с вымыслом. Холодная вода. Горькое лекарство. Тихий звук работающего телевизора. Шёл старый фильм. Коричневые краски. Запах кофе и мяты. Лекарство, от которого мутило. Я то куда-то проваливалась, то воскресала, чтоб провалиться в темноту.

Сквозь тёмные шторы не видно было какое время суток на улицы. Пахло болезнью. По телевизору прыгали круглые звери. Мультик. Утро. Мультики показывали по утрам. Губы пересохли. Рядом зазвенел телефон. Моя мелодия. Надо ответить. Для этого надо подняться. К этому времени телефон перестал звонить. Значит и подниматься не надо. А вот сбоку кто-то зашевелился. Я покосилась в ту сторону. Артём лежал рядом. Без рубашки. В спортивных штанах.

— Который час? — спросила я.

— Вечер, — ответил Артём, не поднимая головы. — Я тебя похоже отравил.

— Чего?

— Рыба в сливочном соусе. Похоже сливки были плохие.

— Я не помню.

— И хорошо. Такое лучше забыть, — ответил он. — Чего-то мне не везёт с девушками.

Ладно, когда мы пошли на День города и попали в сильный дождь. Она тогда сильно простыла и посчитала это дурным знаком. Ходил с другой на каток. Так она сломала руку. С третьей купались на карьере. Она чуть не утонула, потому что ногу свело. Тебя отравил.

— А ты как?

— Всю ночь мучился. И часть утра. Так же как и ты, — ответил он.

— Не помню. Видимо настолько устала, что это уже не отразилось в памяти, — ответила я.

— Угу. Злишься?

— Я не проснулась ещё, — ответила я. — Но теперь я знаю, что с тобой на свидания ходить опасно.

— Тогда откажемся от них. Чай?

— Было бы неплохо.

— Сейчас сделаю. Потом перестелим кровать. Смоем с себя всю грязь. А тебе надо позвонить по поводу работы. Выйти вечером ты сегодня не сможешь.

— Это я поняла, — ответила я. Вздохнула.

— Всё наладится, Лор.

— Надеюсь. Но пока что-то всё это мне не нравится.

Мы смотрим на этот мир сквозь призму нашего воспитания, характера и общественного мнения. Есть определённые правила приличия. Пусть мы живём не в девятнадцатом веке, где нарушение приличий приводило к не только порицанию общества, но и исключения из него, правила приличия всё равно сильно влияют на нашу жизнь. Особенно это касается небольших городов, где каждый на слуху. В последнее время соблюдения правил приличий распространилось и на социальные сети, которые сохраняют самые постыдные поступки и портят репутацию, мешают устроиться на работу или разрушают семью. Как бы мы ни говорили, что живём в двадцать первом веке, где свобода слова и действия конкретного человека, на деле всё остаётся как в девятнадцатом веке. Нужно следить за своим поведением и не создавать о себе плохого, а то и двусмысленного мнения.

Я же лежала в чужой кровати и пила чай, смотря какой-то фильм. На экране была война, любовь и эмоции на разрыв души, которые меня не трогали. Всё было слишком наигранно. В жизни люди более скупы на эмоции, чем на экране. И уж точно не будут рвать последние рубашки в порыве чувств. Скорее уж проглотят и уйдут в себя.

В комнату вошёл Артём. Видно было, что мылся. Волосы мокрые. Его пошатывало. Он подошёл к письменному столу. Взял телефон.

— Тебе звонили.

— Слышал. Родители. Как же я тут один без них? Не разгромил ли квартиру в их отсутствие, — ответил он, садясь на стул и набирая номер.

— А можешь?

— Квартиру громить? — спросил он. — Зачем? Где же я жить буду, если её разгромлю? Да мам.

Он начал разговаривать по телефону. Я же продолжила пить чай. А всё-таки опасно в наше время доверять людям. Опасно оставаться в чьей-то квартире. Порой не знаешь, близких людей, с которыми живёшь ни один год под одно крышей, а тут пытаешься понять чужого человека и определить степень доверия к нему.

— Ты улыбаешься, — заметил он, выключая телефон и кладя его назад на стол.

— Думаю, что иногда хочется доверять. Без задней мысли. Без опасений, что тебя могут подставить. — Я допила чай. Протянула пустую кружку Артёму. Он поставил её на стол. После этого я легла на подушку. Накрываясь до подбородка одеялом.

— Говорят, что людям доверять опасно. Но иногда очень хочется, — ответил он, ложась рядом.

— Общая слабость располагает к доверию.

— Я бы обошёлся без неё, — ответил Артём. — Сейчас бы мы с тобой общались не в горизонтальном положении, а в вертикальном. Как-то для первого свидания у нас с тобой вышло всё слишком откровенно.

— Мне хорошо. Я не помню. Но при этом не испытываю стыда. Раньше бы сбежала и больше не появлялась на глаза, — ответила я. — Видимо старею.

— Взрослеешь, — ответил Артём. — У меня на выпускном кровь носом пошла. Так я этой кровью закапал платье одноклассницы.

— Она тебя не убила?

— Видишь, пока живой, — ответил он. — Но больше мы с ней не виделись. Она ещё

хотела общаться, а я как-то слил общение.

— Стыдно было?

— Нет. Там было дело в другом. В финале выпускного многие выпили. За языком не не следили. Она другим девчонкам рассказывала, что выйдет замуж за первого встречного. Родит от него двух детей. Потом разведётся и станет жить на алименты.

— Дура какая-то.

— Не особо умные слова, — согласился Артём.

— Такое ощущение, что тебе не везёт.

— Почему же? Очень даже везёт. Мне жаловаться на жизнь повода нет. Хотя не всегда получается так как мы хотим, но результат мне нравится, — ответил он, беря меня за руку. — Замёрзла? У тебя рука ледяная.

— Это ты горячий.

— Тогда буду тебя отогревать.

— Я всё ещё хочу спать, — ответила я.

— Так поспи. Сон лечит и придаёт сил, — ответил он.

Я и не заметила, как он оказался слишком близко. От него шло какое-то тепло, которое приносило спокойствие. Этого спокойствия мне всегда не хватало.

— Раньше никогда... — прошептала я, пытаюсь подобрать слова. Раньше никогда так не нарушала правил приличия и теперь боялась, что он обо мне подумает плохо? Или я раньше никогда не с кем не спала в одной кровати?

— Так надо начинать, — ответил он. — Руки холодные, а лоб у тебя огнём горит.

— Так ведь болею. Не боишься заболеть?

— Нет. Если заболю, то ты будешь за мной ухаживать. Чаем с малиной поить. Или сбежишь?

— Не знаю.

— А я знаю, что ты останешься. Раз сейчас не убежала, то останешься, — ответил он.

Тишина. Вечер. Тепло. Простуда уже не кажется чем-то страшным. Его пальцы переплетены с моими. И от этого в душе начинали появляться искорки...

Из сна меня вывел звонок телефона. Мама. Значит уже где-то половина одиннадцатого. Артём пихнул мне трубку. Сам же вновь упал головой мне на плечо, словно это подушка. Хотела возразить, но надо было ответить.

— Да мам.

— Ты где?

— Сплю.

— В комнате я тебя не вижу, — заметила она, не скрывая веселья.

— Ну, я в другой комнате сплю. В соседнем доме. Адрес нужен?

— Нет, но можно было и предупредить.

— А я сама не ожидала. Я завтра после работы зайду к тебе. Расскажу, — пообещала я.

— Ладно. Ты как себя чувствуешь?

— Уже лучше. Завтра расскажу, — отключая телефон, ответила я.

— И о чём расскажешь? — сонно спросил Артём.

— О неудачном свидании.

— Ясно. Ты мне нравишься.

— Это к чему?

— Просто так. Факт, который неохота объяснять. Почему-то женщины часто ищут

ответы на такие вещи, которые не требуют объяснений. Почему нельзя просто принять это как факт? Ты мне нравишься.

— Тут разные варианты, когда нужен ответ. От желания помучить человека, наблюдая, как он будет придумывать ответ, на неудобный вопрос. Я так с одним кавалером поступила.

— Жестоко.

— Он также жестоко поступил. Гулял сразу с несколькими девчонками. Одна из них забеременела. А другая его сильно любила и не могла отпустить. Там такая мелодрама была! Он метался между нами. Которая любит, грозит влиятельными родственниками. Беременная ребёнком припирает. Он же хотел от них спрятаться в отношениях со мной. Но у меня правило, что вначале долгие ухаживания, а уж потом что-то близкое. Две его подружки пришли ко мне отношения выяснять. Я тогда сильно удивилась.

— Тут бы и я удивился. Хотя это ещё мягко сказано.

— Вот с него я и потребовала объяснений его поступку.

— И как объяснил?

— Никак. Слабость характера. Он в итоге сбежал в другую страну от всех своих подруг. Беременная на нервной почве ребёнка потеряла, а которая его любила, та не смогла справиться со стрессом и... Короче там была плохая история. Но обошлось.

— А ты?

— А я его так сильно не любила. Но было неприятно, — ответила я.

— Тут я могу тебе сказать с уверенностью, что, кроме тебя, больше ни с кем не встречаюсь, — спокойно сказал Артём.

— Мы не встречаемся.

— Почему же нет? Что нам мешает быть вместе? — спросил он. Я не нашла слов для ответа. Их было слишком много, но здесь явно нужна была короткая фраза, что могла бы расставить все точки. Пока же её не было, я промолчала.

Я проснулась рано и вначале никак не могла понять, где нахожусь. Потом пришли воспоминания. Ясно. Чужая квартира. Выбравшись из кровати, я поёжилась. В нашем районе всегда топили плохо, а из-за постоянных поломок котельной, отопление то и дело отключали. Одна лишь футболка и нижнее бельё не согревали. Захотелось вернуться под одеяло. Но жажда была сильнее.

Тихо ступая по ковровину, я вышла из комнаты. Вокруг темно. Никаких ориентиров. Видимо окна квартиры выходили в «дикую» сторону дома, где не было фонарей и подъездов. На кухне стояла микроволновка. Часы мигали. Опять отключали электричество. Вода из чайника. Было такое ощущение, что я вышла из пустыни.

— Ещё рано, — заходя на кухню, сказал Артём.

— Я это поняла. Выспалась.

— Холодная вся, — заметил он, кладя руки мне на плечи. Я вздрогнула.

— Артём, не надо.

— Я ничего и не делаю, — прошептал он около моего уха. От него шло какое-то колдовское тепло, от которого не хотелось отходить. Так и хотелось стоять рядом, забывая обо всём. — Где ты всё это время была? У меня такое ощущение, что я тебя искал всю жизнь и только сейчас нашёл.

— Ночью на своей кухне?

— Почему бы и нет, — ответил он. — Тебе на работу когда?

— К восьми утра.

— У нас ещё много времени. Считай целая жизнь. Я тебя утром отвезу.

— Зачем такие хлопоты?

— Это не хлопоты. Я сейчас всё равно в отпуске. Так что две недели могу тебя хоть каждый день на работу возить.

— Артём...

— Нам надо больше узнать друг о друге. Познакомиться с родителями. Я всё знаю.

— Так сразу знакомиться с родителями?

— А что такого? У меня к тебе серьёзные намеренья.

— Меня спросить не забыл?

— Ты не будешь против, когда меня лучше узнаёшь.

Как-то я сказала, что его неудачи могут заставить задумать о продолжение знакомства. Но Артём так не считал. Каждая его неудача приносила в жизнь что-то полезное. Она казалась чем-то плохим лишь на первый взгляд. Даже это дурацкое отравление в итоге нас только сблизило за очень короткий промежуток времени. Бывает так, что незнакомый человек неожиданно становится близким. И как-то неожиданно всё становится общим: как радости, так и неприятности.

Несколько следующих дней прошли в тумане. Когда рядом человек, которому небезразлична твоя жизнь, когда он проявляет участие и заботу, то в душе возникает чувство растерянности и признательности. Какая женщина не ждёт принца, который придёт и решит её проблемы. Артём именно предлагал решение. Вместе с подсчётами, расчётами и доводами, которые приводили к одному знаменателю — нам суждено было встретиться. А вместе жить намного лучше и легче, чем поодиночке. Он так это доказывал, при этом с совершенно спокойным взглядом, что ему хотелось верить. И я верила, хотя и не показывала виду, что это так.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

У Золушки наступил период бала. Так почему не забыть обо всех невзгодах и не расслабиться? Почему не поверить в любовь? Я и поверила.

В тот день я зашла к маме на работу. Артём чинил машину в гараже, поэтому у меня и появилось свободное время без его присутствия в моей жизни.

— Ты совсем съехала или это временно? — спросила мама. Вроде и серьёзно, а по глазам было видно, что смеётся.

— Я не знаю. Он меня чуть не замуж зовёт, только знакомы всего ничего. Сегодня может зовёт, а завтра решит, что это лишнее.

— Уже и замуж?

— В шутку.

— В каждой шутке есть доля правды, — усмехнулась мама.

— Он предлагает оставить лишь работу на почте. А я не уверена, что это всё правильно. Пусть и устаю, но...

— Знаешь, Лор, в этой жизни надо рассчитывать лишь на себя. Мужчины любят давать обещания, но не всегда их выполняют. К тому же может так случиться, что ты сядешь в декрет. Тогда денег хватать совсем не будет. Быт — он тяжело даётся мужчинам. Они уходят, оставляя долги и детей. Я бы не торопилась. Заодно и повременила с детьми. Лучше потратить деньги на защиту во время этого дела, чем потом хвататься за голову и не знать, что делать. Трудностей в жизни пока и так много. Зачем создавать на пустом месте?

— У нас дальше поцелуев и не заходило, — ответила я.

— Когда-нибудь зайдёт. И нужно быть к этому готовой.

— Знаю. Но буду решать проблемы по мере их поступления, — ответила я. В магазин зашёл покупатель. В этот момент пришло сообщение от Артёма.

«Это невыносимо».

«Что такое?»

«Расстались всего ничего, а я уже скучаю. Поедем сегодня к моим родителям?»

«Я не могу».

«И что? Мне теперь от тоски засыхать? Я ведь правда засохнуть могу!»

«Но раньше не засыхал».

«Так это было раньше!»

«Как-нибудь справишься».

«Я через полчаса освобожусь и заеду за тобой».

«Ладно».

«Целую».

Простое сообщение, а у меня появилась улыбка. Слова всё же имели какое-то волшебное свойство. Это при том, что в нашем мире нет волшебства.

— Чего пишет? — спросила мама, не скрывая любопытства.

— Как думаешь, сколько нужно времени, чтоб поверить человеку? Вот чтоб точно быть в нём уверенной?

— От трёх месяцев до бесконечности. Влюблённость длится три месяца. Мы по молодости с девчонками отмечали этот факт. Три месяца проходит и влюблённость сходит на нет. Любовь же длится годами, а может пройти и через всю жизнь. Но это редкое явление. Чаще всё сводится к удовлетворению инстинктов в постели. Люди видят друг друга и думают, что это любовь, хотя это иллюзия. Не попадись в эту ловушку.

— Постараюсь. Он мне помогал газеты разносить и в подъезде убираться. Как думаешь, это что-то значит?

— А сам-то объяснил свои поступки?

— Говорит, чтоб было больше свободного времени. А у него и так отпуск, — ответила я.

— Не знаю. Не могу ничего сказать. Но познакомиться я бы с ним хотела, — ответила мама.

И ведь хотелось не попасться. Я надеялась, что у меня хватит сил сохранить остатки разума, но не получилось. К концу недели пришлось уволиться с вечерней подработки. Оказывается, Артём умел надавить и добиться своего, если хотел. И при этом я считала, что это решение приняла сама, хотя в глубине души знала, что поддалась его желанию.

За неделю я ни разу не ночевала дома. Мы только и делали, что разговаривали, смотрели фильмы, слушали музыку. Я могла и уснуть, а он меня не будил.

В пятницу он решительно заявил, что больше без меня к родителям не поедет. Надо ехать вместе. И как бы мне не хотелось оттянуть это знакомство, у меня это сделать не получится. Самым главным доводом было, что нам всё равно жить под одной крышей. Поэтому это знакомство состоится рано или поздно.

— Я ещё не решила, всё ли у нас серьёзно, — ответила я, пытаюсь спрятаться за последним доводом.

— Но мы же уже вместе живём. Так о какой серьёзности ещё идёт речь? — не скрывая веселья, спросил Артём. — Нам вместе удобно. Никто никого не раздражает. Оба упрямые, но при этом находим компромиссы. Вот не знаю, как ты, но мне с тобой приятно. Чего

тянуть? Время покажет, что мы с тобой сделали правильный выбор, когда решили быть вместе. А если у тебя не хватает сделать смелости этот последний шаг, то его хватит у меня.

Уверенность всегда подкупает. Даже когда разум кричит подождать, сердце отвечает согласием. После этого я поняла, что пропала.

Погода, наконец, решила, что достаточно нас поливать дождём и обдуть холодным ветром. Солнце выглянуло из-за туч и решило задержаться, освещая яркую листву. Мы ехали по шоссе. Машин было немного. Лес выглядел нарядным. Красивым. Ярким. Он словно сошёл с картинки детской книжки про школу и рябину. Простуда оставила воспоминания в виде небольшого кашля, но уже не мешала жить.

— У родителей дача — это что-то святое. Хотя и ездят на неё только во время ягодного сезона и грибного. Большой частью участок на мне, — сказал Артём.

— Хочешь сказать, что ты там огород сажаешь?

— Почему нет? Интересно наблюдать, как появляются результаты работы. Быстрее всего это видно на выращенных овощах, которые неплохо экономят зимой бюджет.

— Только не говори, что и банки закручиваешь, — усмехнулась я.

— Я умею мариновать. А вот закрутки в виде солянок и кабачковой икры не люблю. Вкус не нравится. Слишком сладко. Пробовал специи добавлять, но по вкусу как сахар с перцем. Чего ты смеёшься?

— Странный у нас с тобой разговор.

— Почему? Нужно же узнать друг друга лучше. Узнать кто как живёт. По каким правилам и с какими особенностями. Какие вкусы.

— А если у нас вкусы не совпадут? Может я люблю кабачковую икру.

— Всегда можно закатать несколько банок для тебя. Просто необязательно это есть мне. У нас могут не совпадать какие-то вкусы и интересы, но это не значит, что нельзя приспособиться и найти компромисс.

— Это так легко на словах, но на деле...

— Не думаю, что на деле в этом есть сложности. Если рассматривать жизнь не с точки зрения хочу — не хочу в эмоциональном всплеске на данный момент, а думать в долгосрочном плане, то это несложно. Например, я тебя попросил избавиться хотя бы от вечерней работы. Ты пошла мне навстречу, хотя и считаешь, что это ошибка. Если судить с эмоциональной точки зрения, то ты совершила ошибку. Впереди неизвестность. Есть лишь какие-то смутные обещания от человека, которого знаешь всего ничего. Это страхи, неуверенность, что завтра мы с тобой не разбежимся. И так далее. А теперь отбрасываем эмоции и думаем лишь фактами. Сколько ты продержишься в таком ритме жизни? Недолго. Организм скоро начнёт сдавать. Потребуются обследования. Лекарства. В итоге ты начнёшь работать на аптеку и врачей. Это невыгодно. Что касается отношений. Они закончатся, не успев начаться. Всё-таки люди сходятся, чтоб жить вместе, а не спать в одной кровати. По продуктам и дороге — со мной ты не пропадёшь. Уж одной зарплаты нам хватит жить так, чтоб не питаться корочкой хлеба. Остальные свои деньги тратишь на кредиты. С одеждой разберёмся. Не думаю, что это такая уж большая проблема. Логично?

— И тогда я попадаю в полную зависимость от тебя.

— Не такая уж и зависимость. Скорее уж совместное существование на одной площади со взаимными интересами. К тому же ты всегда сможешь уйти и вернуться на семь работ. Никто же не отнимает у тебя право работать? Но я думаю, что тебе нужна передышка. Чтоб не свалиться от усталости. Расправить плечи. Оглянуться по сторонам. Выбрать новые цели. Ты всю жизнь собираешься почту носить? Не пробовала учиться?

— Пробовала. Колледж закрыли. Лишили аттестации. А вновь куда-то поступать уже не было возможности.

— Но на одной неудаче мир не закончился. Нужно получить профессию.

— Мне тридцать лет. Тут уже не до того, чтоб сесть за парту, — отмахнулась я.

— Ну, учиться никогда не поздно. В этом году разберёмся с долгами, а на следующий год будем думать об учёбе.

— Смеёшься?

— Нет. Я серьёзно. Нужно двигаться дальше, а не оставаться на месте. Вот и будем двигаться дальше уже вместе.

— Посмотрим. Нам ещё с твоими родителями знакомиться.

— Не бойся, ты им не понравишься, — улыбаясь, ответил он.

— Тогда зачем...

— Затем. Лора, родители всегда хотят для своих детей самого лучшего. Это нормально. Но идеалы родителей не всегда, а даже часто, не совпадают с идеалами детей. Можно жить в одной семье, знать вкусы и привычки друг друга, но при этом не понимать детали, которые составляют индивидуальность человека. Если проще, мама меня уже пыталась сосватать с каким-то дочками знакомых, чтоб я точно мог убедиться, что у нас с ней разное понятие о красоте, характере и достоинствах. На что я могу закрыть глаза, она считает, что это недостаток. А что мне не нравится в категоричность, для неё это милый недостаток.

— И что же для тебя категоричность? — спросила я.

— Я не люблю, когда женщина курит. Сам не дымлю и не люблю, чтоб дымом несло от женщины. Так же не люблю, когда женщина душит резкими ароматами. Это всё раздражает. Сидишь рядом с такой и только хочется чихать. Мне не нравится снобизм. У меня всего лишь колледж за плечами. В институт я не хочу поступать. Как и не собираюсь менять профессию. Мне это нравится. Я на своём месте. Когда же после десяти минут знакомства начинают говорить, что мне надо полностью поменять свою жизнь в угоду девице, что я вижу первый раз, потому что ей стыдно со мной встречаться, то проще её за дверь выставить, чем идти у неё на поводу.

— Артём, но ты так же себя ведёшь по отношению ко мне, — рассмеялась я.

— А тут же тонкая грань между заботой и ультиматумом. К тому же есть распространённое мнение, проверенное на практике, что если мужчина проявляет настойчивость и уверенность, то это притягивает женщин. Он считается в их глазах достойный внимания.

— Тут главное палку не перегнуть и не превратиться в тирана.

— Нет, вот в тирана я точно не превращусь. На это нужно слишком много времени и сил, — ответил Артём, съезжая на просёлочную дорогу. — Теперь держись. У нас начинается аттракцион «Бездорожье».

— Нашёл чем удивить, — ответила я.

— Это хорошо, что тебя не пугают трудности.

— Кто живёт в нашем районе, тот к трудностям привык.

— Тоже верно. Хотя раньше район был хорошим. Это сейчас он превратился в остров без надежды, — ответил Артём.

— Не думал отсюда уехать? Мы одно время хотели переехать ближе к центру, где удобнее инфраструктура, но пока планы остаются планами.

— Мне нравится район. В нём есть какое-то очарование, как в ноябрьской осени, когда

всё серо и уныло, но одновременно и есть в этой печали какая-то красота. В центр не хочу. Там слишком шумно и многолюдно. Смотреть как под окном машины проносятся — ещё то удовольствие. Если переезжать то сюда: к лесу, речушке и грядкам. Иногда сюда уезжаю на какое-то время, чтоб просто отдохнуть от всего. Но потом возвращаюсь домой. Рано ещё уходить из цивилизации.

Дорога петляла между редкими молодыми берёзками и осинками, которые росли по обочине. С одной стороны, нависал лес, а с другой — было поле, которое пугало жухлой травой. Вдалеке виднелись дома, что скопились на одном холме, тесно стоя друг к дружке. Яркое солнце и голубое небо, домики, жухлая трава, клин уток, летящих мимо — это врвалось в сознание непередаваемой картиной, от которой захватывало дух.

Заяц выскочил на дорогу неожиданно, как и бывает с русаками. Артём резко ударил по тормозам. Машина подпрыгнула на кочке. Меня выкинуло вперёд, потом назад. Хорошо ремень безопасности не дал соприкоснуться лбом и стеклу.

— Ты как? — спросил Артём. Зачем-то начал щупать меня, словно проверял целая ли я.

— Всё нормально, — переводя дух, ответила я.

— Надо же так выскочить! Уверен, что до этого времени дорога полдня была пустая. Но ему понадобилось выскочить именно сейчас! — выдохнул Артём. Засмеялся, заводя машину. — Я вначале и не понял, что это было.

— Едешь так себе спокойно, смотришь на небо. Птичками любишься, а потом резко кто-то выскакивает под колёса, — ответила я.

— Здесь часто какое-то зверьё выскакивает. Мы с отцом ехали поздней осенью, так дорогу решил перейти лось. Отец вырули, чтоб избежать столкновения. Да вырулил так, что мы вон с того поворота в яму упали, — сказал Артём. Я посмотрела в ту сторону, куда указал Артём. Глубокая яма была прямо на повороте. Из неё торчал кузов автомобиля, что видимо не справился с управлением и туда въехал. А теперь служил грустным напоминанием о произошедшей аварии. — Раньше деревня была населённая. Машины часто ездили. Трактора были. По какому-то недоразумению перед нами туда въехал трактор. Пока тракторист ходил за помощью, чтоб вытащить своего железного коня, мы влетели в этот трактор. Но это давно было.

— Сама с мамой в аварию попала. Машина всмятку. Переломы. Шрамы остались. Да ты их видел. На бедре.

— Не заметил, — ответил Артём. — У меня таз по крупичам собирали. Но повезло. Даже не хромаю. И в армии отслужил.

— Главное, что обошлось, — ответила я. — Только как ты не боишься водить, после случившегося?

— Так я же не за рулём был, а пассажиром, — усмехнулся Артём. — Когда сам за рулём, то это придаёт уверенности. К тому же не думаю, что надо потакать страхам. С ними нужно бороться всеми возможными способами. Когда даёшь волю страху, то упускаешь много интересного и важного. Смелость же открывает дверь в мир. Лучше жить в мире, чем смотреть на него в щелку. Согласна?

— Согласна, хотя это всё сложно.

— Так в жизнь всё ценное приходит через сложности. Легко даются лишь пустяки, — ответил Артём. Мы как раз въехали в деревню.

Дома в деревне были простые. Старые. На всю деревню только два новых дома. Остальные пугали серыми брёвнами или местами облупленной краской. Окна некоторых

домов были забиты. Несколько домов были после пожара. Один выгорел полностью. Другой стоял с провалившейся крышей и чёрными следами копоти над окнами. Высокая трава и заросшие сады были через один дом. Хотя попадались и обрабатываемые участки, но из-за осени и общей удручающей картины они выглядели мрачно.

— Грустное место, — сказала я.

— Из-за осени. Весной здесь райское местечко. Цветут яблони и сливы. Прилетают птицы. Соловьи здесь заливаются.

— Не люблю соловьёв.

— Почему?

— Они меня раздражают.

— Соловьи красиво поют. Считается, что одни из самых мелодичных птиц. Часто ассоциируются с любовью. Или ты поэтому их не любишь? — спросил Артём.

— Когда в больнице лежала, то ночью уснуть не могла. Так слушала этих соловьёв, которые никак не могли уняться, — ответила я. — Всё болит. Есть понимание, что когда я выйду из больницы, то окажусь в долговой яме. Мечты останутся мечтами. Что будет такая жизнь, какая она сейчас. А соловьи пели и радовались. Это раздражало.

— Понятно. Но когда плохо на душе тебе, то это не означает, что должно быть плохо другим, — ответил Артём.

— Я знаю. Ещё говорят, что надо всё воспринимать со смирением. Трудности даются только для того, чтоб сделать нас сильнее. Никто при этом не задумывается нужна ли нам эта сила. Мы же не металл, чтоб нас закалять.

— Это так кажется, что не металл. Человек крепче металла. В тех условиях, что металл ломается, то человек продолжает жить. Живёт. Радуетя жизни и старается не унывать, — ответил Артём. — Птички же ни при чём. У них самих жизнь непростая. Полна опасности и трудностей. Но они живут и не теряют способности любить и радоваться каждому прожитому дню. Нам надо у них этому учиться.

— Но пока не хочется, — ответила я.

— Всему своё время, — ответил Артём. — Не всегда какие-то знания могут усвоиться здесь и сейчас. Иногда на это нужно время, если не вся жизнь. Как тебе домик?

— Неплохой, — ответила я.

Домик отличался от других домов. Под окнами клумбы с цветами. Не грядки, а именно клумбы. Грядки аккуратные. Ровне. Между ними дорожки из травы. Деревья со следами побелённых стволов. С улицы была беседка, оплетённая повителем, а сейчас сверкающая яркими красными листьями. Сарай и баня на дальнем конце участка. Сам же дом был серенький, но с белыми наличниками. Крыша новая. Железная. Из трубы шёл дым. А на улице слышны были голоса. Прямо перед домом был гараж. Трава перед домом и в округе была скошена. Было видно, что домом занимаются.

Артём оставил машину перед домом. В гараж загонять он её не стал. Деревянная калитка. Забор до груди. Поздние астры и синие осенние ромашки на клумбе. К дому вели деревянные мостки, на которых лежала красно-жёлтая листва с ближайшей яблони. Вход в дом был через терраску и был он со двора, а не с улицы. Дворик перед домом был окружён плетённым декоративным забором. Под навесом стоял стол с лавочками. В стороне была летняя кухня с мангалом. Колодец был под «домиком» с резными столбиками. В глаза бросались декоративные элементы, расставленные в самых неожиданных местах. Какие-то домики с гномами, резные собаки и кошки, птички, скворечники, грибочки — мне

показалось, что я попала в парк, где были установлены декоративные скульптуры, только они были небольшого размера.

— Почему нельзя заниматься своей ерундой на улице? — из терраски донёлся недовольный женский голос.

— Там ветер холодный. А тут тепло.

— Так убрал хотя бы ковёр. Мне потом опилки как выбивать?

— Сам выбью.

— Это с твоей спиной? — женщина рассмеялась. — Я на это посмотрю!

— Всё бы тебе только развлекаться, — ответил мужчина. Если у женщины голос был высокий и звонкий, то у мужчины был глухой бас, как из бочки. Артём только усмехнулся и постучал по открытой двери.

— Гостей не ждали, а мы приехали, — сказал он.

— Ну так заходи, — ответила женщина. — Чего стучаться?

— Ты чего там делаешь? — спросил Артём. Женщина сидела на коленях и перебирала мусор, сваленный в кучку. Что-то подносила к глазам, но потом недовольно выкидывала в ведро.

— Старый дурень мне вчера серёжку куда-то закинул. Я её полдня ищу, — после этого она повысила голос. — Если не найду, то кто-то мне купит новые!

— Так тебе вчера они не нравились. Сама же сказала, что...

— Мало ли я чего говорила, — остановила его женщина. — Не надо слушать всё, что я там говорю.

— Ты непоследовательна. То обвиняешь меня в том, что я не делаю так, как ты хочешь, то наоборот, — из дома вышел мужчина. — О, оказывается, у нас и, правда, гости!

— Так чего вы молчите? — оторвавшись от мусора, сказала женщина. Быстро поднялась с колен. — Надо же предупреждать!

— Я же вам вчера звонил, — напомнил Артём.

— Так это было вчера! — резонно заметила женщина, близоруко щурясь в мою сторону.

Родители Артёма были высокие. Отец был где-то под два метра. Широкоплечий, с седыми волосами и добрым лицом. Мама Артёма уступала немного в росте мужу, но не критично. Короткие, выкрашенные в блонд волосы, макияж, что не делал её лицо похожей на куклу — она мне чем-то напомнила актрису, которая недавно сошла с красной дорожки. Жесты и мимика у неё была соответствующая. Какая-то постановочная. Немного надменное выражение лица, чопорность резко сменялась открытостью и душевностью. Было сложно понять, что она думает на самом деле, а уж предугадать её реакцию на самые простые вещи было нереально.

Анна Григорьевна и Тимур Тарасович не скрывали удивления при моём появлении. В отличие от Артёма, который не видел ничего такого, что он пригласил меня в гости. Я сразу почувствовала себя не в своей тарелки.

— Давайте Лору только смущать не будем. Все расспросы потом. Никуда от них не сбежим. Пока же погода хорошая, надо делами заняться. А уж потом и поговорим. Вы, кстати, домой собираетесь? Или так и дальше здесь будете за грибами охотиться? — спросил Артём.

— Если бы кто-то не подвернул ногу и не изображал из себя больного, то мы и дальше бы за грибами ходили. Но кто-то считает, что лучше у печки сидеть и ножиком играть! — возмутилась Анна Григорьевна. Похоже Тимур Тарасович увлекался резьбой по дереву.

— Значит домой? — спросил Артём.

— Завтра поедем. Сегодня вы ведь переночуете, а завтра поедем, — сказал Тимур Тарасович. К ночёвке в деревне я не готовилась.

— Мне завтра на работу, — напомнила я Артёму.

— Успеем, — ответил Артём. — Пойдём комнату покажу.

Подталкивая меня в спину, Артём повёл меня вглубь дома. Всего в доме было две комнаты и терраска. Большая комната служила одновременно и кухней. Небольшая комната оказалась личным царством Артёма. Здесь везде были книги по фантастике, рисунки на стенах, карандаши, краски лежали в художественном беспорядке. Диски с музыкой, тетрадки с записями, какие-то сушёные букетики на стенах.

— А это зачем? — спросила я, указывая на сухие стебли.

— Добавки в чай. Полезно и приятный аромат, — ответил Артём, доставая из шкафа спортивный костюм.

— Комната в квартире не похожа на эту.

— Здесь интереснее, чем там. Да и ехать недалеко.

— Обои мрачные.

— Не замечал. Мне они казались волшебным лесом. Ночью луна заглядывает в окно. Тени рисуют узоры. Интересно за этим наблюдать.

— И зарисовывать, — разглядывая рисунки, ответила я.

— Есть такое. У каждого свои недостатки. Кого-то заткнуть нельзя, кто-то не может успокоиться и перестать танцевать, а кто-то рисует.

— У меня таких недостатков нет.

— Ты пока о них не в курсе, — возразил Артём. — Только честно, хочешь сбежать?

— Есть такое желание.

— Давай договоримся, я тебя отвезу в любой момент. Но для начала давай хотя бы попробуем?

— Попробуем что?

— Не только жить по отдельности, но и вместе с поправкой на моих родных. Знаю, что это непросто. Но это обещает быть интересно. А в жизни должны быть интересные моменты.

— Так мне уже интересно живётся на этом свете.

— Так ты интересно живёшь одна. А теперь будем жить вместе, — уверенно ответил он. Мне этой уверенности не хватало, но я доверилась ему, надеясь, что Артём, в отличие от меня, знает, что делает. По его взгляду было видно, что знает.

Чёрная рябина вяжет во рту. Кислая облепиха заставляет морщиться. А вот яблоки прям мёд. Сладкие, прям приторные. Артём показывал свои уголья, рассказывал о достижениях и каких-то сортах. Пустился в рассуждения и объяснения, почему отказался от одних яблонь, а решил засадить всё другими сортами. Мне было неинтересно. Я раньше помогала маме с участком, но никогда не была фанатом сада и огорода. Артём же был именно фанатом.

— Тебе неинтересно, — неожиданно сказал он.

— Нет, — ответила я, наблюдая, как его лицо приняло задумчивое выражение.

— Ну и ладно, — отмахнулся он. — Я тогда с грядок ботву уберу. Составишь мне компанию?

— Если дашь перчатки, то составлю, — ответила я.

— Да я думал, что просто не уйдёшь.

— Ты мне помогал всю неделю, так что пора мне помочь тебе. Так сказать, отдать долг, — ответила я.

— Нет никаких долгов. Есть расчёт. Я хочу тебе понравиться. Это самый действенный способ. Но никак не заставить тебя чувствовать обязанной.

— Понятно. Грабли давай.

Может я соскучилась по земле, или не хотела общаться с родителями Артёма, но мне хотелось поработать на свежем воздухе, погреться под лучами осеннего солнца. Природа засыпала. Это чувствовалось в листве, траве, воздухе. В дыме от печки. В резких криках птиц.

Что-то в этом было. Неуловимое и непонятное, но волнующее.

После огорода Артём предложил прогуляться. Даже откопал для меня резиновые сапоги. Мы гуляли по лесу. Он почти подходил к окраине деревни. Берёзы, сосны, ёлки, осина росли в соседстве друг с другом. Высокая трава доходила до пояса.

— Не против, что я тебя пригласил? — спросил Артём.

— Я думала, что ты сам решаешь, чего мы будем делать, — ответила я.

— Что-то я резво взялся. События тороплю.

— Есть такое.

— Но ты вроде не против.

— С тобой сложно спорить. Ты ведь если чего-то решил, то идёшь до конца, не замечая препятствий.

— Неправда. Для меня важно всё решить и обдумать, а только потом действовать. Тут как-то всё пошло не так, как привычно. Но мне кажется, что это правильно.

— Артём, допустим, мы будем жить с тобой вместе. А дальше что?

— Что дальше? А для чего люди живут вместе? Может потому что интересно? — спросил Артём. — Или тебе не интересно?

— А в чём должен выражаться интерес? В узнавание другого человека? В желание быть рядом и подстраиваться под другого человека? Потери себя?

— А зачем терять себя? Почему нельзя просто жить рядом друг с другом? Так ведь проще, чем поодиночке. Ты сможешь меньше вкалывать.

— Вместо этого буду ездить с тобой на дачу, — ответила я.

— Ты против? Лора, а о чём ты мечтаешь? Хочешь всю жизнь прожить одна?

— Ты мне уже задавал этот вопрос.

— Но ты мне толком не ответила.

— Я давно уже не мечтаю.

— Тогда надо начать мечтать, — ответил Артём. — Вот и давай начнём мечтать вместе.

Он взял меня за руку. Мы молчали. Да и думать не хотелось. Вместо этого мысли уходили далеко от реальности.

— Начинать что-то новое страшно. Но только в движение ощущается жизнь. Страх заставляет останавливаться. Когда вода застаивается, то она затухает. Движение этому препятствует.

— Но вода может в итоге скопиться в канаве и опять затухнуть.

— Так мы не будем останавливаться в канаве, — легко ответил Артём. — К тому же мы с тобой не вода. Всегда есть шанс отмотать события и выбрать другой путь, если тебе не понравится этот.

— Договорились.

— Что?

— Ты меня убедил. Давай попробуем жить так, как ты предлагаешь. Пока я жила одна, то из этого ничего хорошего не вышло. Попробуем жить вместе. Ведь всё равно терять мне нечего, — ответила я.

— Серьёзно?

— Сам же предлагал.

— Я и не отказываюсь от своих слов. Неожиданно. Думал дольше тебя придётся уговаривать, — ответил Артём.

— Это плохо? Нужно было дальше ломаться?

— Нет. Просто неожиданно.

Сделав круг, мы вышли к другой стороны деревни. Там была речка, через которую был перекинут живописный деревянный мостик.

— Отец делал. Я ему помогал. Правда, красиво?

— Молодцы, — проводя ладонью по перилам, ответила я.

— Часто, когда хочешь что-то сделать приходится брать всё в свои руки, — ответил Артём. Закат. Он окрасил мост в оранжевый цвет.

— Красивое место.

— Ты красивая. Яркая, — накрывая мою руку, ответил Артём.

— Так кажется.

— О вкусах не спорят.

— Тогда не будем, — согласилась я, чувствуя, как в душе расплывается тепло.

— Нас ужин ждёт, который ещё нужно приготовить. Если я дома, то родители будут до последнего ждать, когда готовкой займусь я.

— Почему?

— Потому что я вкусно готовлю. Пусть и в первый раз я тебе это не доказал. А всю оставшуюся неделю мы питались не пойми как. Ты почти всё время от еды отказывался.

— Всё ещё впереди, — ответила я. И ведь правда, всё впереди.

Я чувствовала, что сошла с ума, но тревоги больше не было. Был лишь интерес. Как там? Движение. Значит будем двигаться вперёд.

Вечер прошёл спокойно. Родители Артёма слушали музыку и переругивались друг с другом. Похоже для них это было нормальное отношение. Артём только головой качал,

вслушиваясь в их разговор и прятал улыбку. Я же сидела рядом. Помогала чистить картошку. Вкусная еда. Разговоры о грибах и ягодах. Небольшие подколки. Атмосфера была вполне хорошей. Пока настало время чая. Тогда и пришло время допроса, к которому я была готова.

— Лора, а кто вы по профессии? — спросила Анна Григорьевна.

— Я поступала на менеджера. Сфера питания. Но это оказалось не моё. К тому же колледж закрыли. Я не успела получить корочку. Дальше учиться не получилось. Не было возможности, — ответила я.

— Но всё впереди, — сказал Артём.

— Ну да. Учится никогда не поздно. Только сколько вам лет, чтоб начинать учёбу?

— Мам, а это имеет значения? — в свою очередь, спросил Артём.

— Я всего лишь считаю, когда появятся мои внуки. У вас же, насколько я поняла, всё серьёзно? Пять лет учёбы, потом года три для стажа... — Анна Григорьевна начала демонстративно загибать пальцы.

— Ань, оставь молодёжь. Без тебя разберутся.

— Разберутся? А как же мои интересы? — спросила Анна.

— Мам, я тебе уже предлагал завести собачку или кошечку. Этого вполне хватит, чтоб тебе наиграться в бабушку, — ответил Артём.

— Это жестоко, — хмыкнула Анна Григорьевна.

— Жестоко заводить ребёнка, чтоб ты могла с ним поиграться.

— Мне не так много лет осталось... — после этих слов Тимур Тарасович и Артём рассмеялись. Разговор сам по себе сошёл на нет.

Мы пошли спать довольно рано. Или скорее не спать, а скорее сбежали в комнату от его родителей. Он сразу включил музыку.

— Ты на моих не обращай внимания. Они хорошие, но немного резкие люди.

— Всё нормально.

— У мамы идея фикс была вначале меня жить. Теперь ей внуков подавай. Но она такой человек, что... Она капризная. Мы с отцом привыкли к её капризам, но со стороны они смотрятся диковато.

— Моя мама иногда заводила разговоры о том, что нужно замуж выйти. Только за кого замуж выходить? Как-то подходящих людей не было.

— Были лишь неподходящие?

— Кроме одного, который крутил романы сразу с несколькими девчонками, никого и не было. Мужчины любят ярких девчонок. Я же серая. Невзрачная. Мне нечем привлечь внимания. Поэтому и не было никого.

— Не бывает невзрачных людей, — возразил Артём. Я только пожала плечами. Спорить тут было бесполезно.

— Но ты и сам долго оставался один.

— Тебя ждал, — ответил Артём. — Не смейся. Я серьёзно. Хочешь я тебе кое-что покажу?

— Смотря что.

— Я тебе покажу, а ты решай, — ответила он.

Папка с рисунками. Графика: карандаш, пастель. Рисунки изображали людей, улицы города, какие-то сценки, подсмотренные из жизни. Они были красивые. Живые. Цветы. Капли дождя на стекле. Картинки были с душой. Казалось, что можно до них дотронуться и они оживут.

— Красиво рисуешь. Но ведь это не просто рисунки, — сказала я, посмотрев на него.

— Да. Непросто. Это часть жизни.

— У тебя красивая жизнь.

— На самом деле жизнь обычная, но мне нравится вносить в неё краски, — ответил

Артём. — При желании мы можем раскрасить каждый миг. И тогда жизнь станет яркой.

— Иногда красота есть и в чёрно-белом тоне, — ответила я, показывая ему рисунок центральной площади выполненной карандашом.

— И такое есть, — ответил Артём.

— Но наша жизнь — это не рисунок.

— Ты в этом уверена? — хитро улыбнулся он.

Он взял в руки альбом и карандаш. Несколько штрихов. Ещё линии. На глазах стали появляться очертания комнаты в городе. Вот мы сидим рядом. Рука в руке. Чего-то смотрим. Он резко перевернул лист. Теперь стали появляться очертания кухни. И вот мы уже вместе готовили. Это были быстрые рисунки, без точно прорисовки, но они выглядели реалистично и узнаваемо.

— Я поняла, — рассмеялась я. — Ты можешь нарисовать всё что угодно.

— На самом деле нет. У меня до безобразия плохо получаются животные. Не животные, а монстры из кошмаров, поэтому лучше рисовать здания и людей.

— Ты учился?

— В художке, но дальше не пошёл. Хочется иметь стабильную профессию, которая гарантированно прокормит, — ответил Артём. Я положила папку на стол и села на кровать.

— Логично. А не жалко, что не занимаешься творчеством на постоянной основе? Ты ведь тогда мог бы получать деньги за то, что любишь делать?

— Почему-то мне кажется, что тогда любимое дело превратится во что-то ненавистное, — ответил Артём. — Чай будешь?

— Буду, — согласилась я. Он ушёл, а я осталась в комнате одна. Настольная лампа тускло освещала комнату. Тихая музыка, красивый женский голос пел на французском про любовь, задевая зачерствевшие нотки души.

— У тебя такое лицо интересное. Как у довольной кошки, — заходя с кружками, в которых был чай, ответил Артём. Из карманов он достал конфеты. Было что-то далёкое. Забытое вот в таких посиделках.

— Мы так после дачи с мамой приезжали и чай пили. До того как сюда переехали, у нас дача была. Такой же участок, как и здесь. Без сарая. Чтоб только покопаться на нём и вернуться домой. Только тогда такие времена были, что шоколадных конфет не было. Вместо них были барбариски. Всё равно было вкусно.

— У нас этот дом семейный. Отцу достался от его родителей. Здесь всегда было шумно. Семья была большая. В девяностые у нас тут яблоку негде было упасть. Спали прямо на полу. К бабушке в гости приезжали. А к нулевым никого не стало. Старики умерли, молодёжь погибла. В течение трёх лет каждый месяц были похороны. Они друг за другом уходили. Из большой семьи остались лишь наша ветвь.

— Жутко. У нас родственников много, но не общаемся. Квартирный вопрос испортил отношения, — ответила я. — Мы и с сестрой как-то воевали по поводу квартиры.

— А сейчас?

— Сейчас нет. У неё своя семья, а у меня...

— Своя, — добавил он, неожиданно целуя меня. Я чуть пустую кружку не уронила. —

Ты чего так испугалась?

— Неожиданно вышло, — ответила я, ставя кружку на стол.

— Ты нервничаешь. Как-то в квартире была более раскованная.

— Тогда мы с тобой... Тогда я простужена была.

— И?

— И тогда было проще.

— кашлять и чихать? Не вижу логики, — наблюдая за мной, ответил Артём.

— Сейчас я не болею.

— И? Хочешь заболеть?

— У меня раньше не было отношений, кроме тех нескольких свиданий, которые закончились тем, что у него оказалось две беременные подруги.

— Ты рассказывала об этом.

— Так получилось, что я дожила до такого, хм, позднего возраста, но при этом у меня никого не было из мужчин. Из женщин тоже. Кажется я уже чушь несу.

— Лор, успокойся. Тебя это напрягает?

— Что? — не поняла его я.

— Спрошу иначе. Тебе нравится со мной целоваться?

— Это приятно.

— Обниматься?

— Нравится.

— Ты хочешь продолжения? Чего там в фильмах показывают, в книгах пишут и подруги говорят?

— Пока не хочу.

— Лора, меня вполне устраивает всё, что есть между нами. К тому же мы с тобой знаем друг друга не так давно.

— Но это не мешает нам спать вместе.

— Не мешает. Это дополняет наши отношения, — усмехнулся Артём. — Давай думать: как и на что жить будем. Надо просчитать расходы и доходы. Может действительно тебе хватит одной работы на почте. Что-то мне совсем не нравится, что ты в том доме полы моешь.

— Почему?

— Потому что охрана там не просто так сидит. Не хочу, чтоб тебя кто-то случайно обидел, — ответил Артём.

— Ты сам в тот подъезд ходил.

— У меня там друг живёт. Но знакомить вас не буду. Он не такой человек, с которым я хотел бы, чтоб ты общалась.

— А тебе можно?

— Не так уж часто наша с ним жизнь пересекается, чтоб тебе переживать по этому поводу. Так будем дебет с кредитом сводить? Или будем спорить с кем общаться и как общаться?

— Я не хочу с тобой спорить, — сказала я.

— Тогда и не будем. В жизни есть куда более серьёзные поводы, чтоб ругаться, — согласился он.

Какое-то время мы с ним составляли список трат и считали деньги. За этим занятием он осторожно обнял меня.

— Я же говорю, что не всё так страшно, как кажется, — довольно сказал он, окидывая результаты наших расчётов.

— Но тогда придётся расстаться с мыслью, что я расплачусь с кредитами в ближайшее время.

— Твоё ближайшее время — это несколько лет. Давай мы про них не будем забывать, но и не будем отдавать свою жизнь на их погашение.

— А если ещё и дети появятся? Тогда мы сядем в яму.

— Не сядем. В этом ты на меня можешь положиться, — уверенно ответил он. И опять я поверила ему, потому что мне хотелось верить.

— Он слишком... молодой, — осторожно подбирая слова, сказала мама. Я и не думала, что она нас успела где-то увидеть.

— Думаешь? Чего-то я как-то забыла спросить сколько ему лет.

— Лора, не думаю, что у него какие-то серьёзные намерения. Ему погулять охота. Он будет дурить тебе голову. Ты потратишь на него оставшиеся годы, а потом он найдёт себе ровесницу, а тебя бросит. Погулять можно, но рассчитывать серьёзно? Я бы не стала.

— А на кого рассчитывать, мам? Любой человек может обмануть не зависимо от возраста. Если мужчина не был женат до тридцати лет, то это вызывает настороженность. Если развёлся, то опять же нужно смотреть по какой причине. Артём не пьёт, не выносит мозг. С ним интересно. Он знает, что хочет от жизни. Не вешает на уши лапшу, не обещает звёзд с неба. Нам просто интересно вместе.

— Моё дело предупредить. Хорошо, что тебе интересно с ним. Главное следи, чтоб не оставил тебя с детьми. Чувства — это хорошо. Они нужны в нашей жизни. Но и здравый рассудок не теряй. Не торопи события. Семья может ещё подождать.

— Он настаивает, чтоб мы вместе жили. С его родителями.

— А ты к этому готова? — спросила мама.

— Не знаю. Тут всё привычно. А там...

— Попробовать можно. Даже неудачный опыт — это опят. Ты всегда сможешь вернуться домой.

— Так уверена, что у меня ничего не получится?

— На мой взгляд, это несерьёзно.

— А как у тебя дела с твоим кавалером? — спросила я.

— Мы общаемся. Но больше с ним на рыбалку я не пойду, — рассмеялась мама. — Такой экстрим не по мне. Знаешь, куда он меня пригласил? На кладбище. Там его родители лежат, покойная жена.

— Думаю, что у него к тебе серьёзные намерения, — ответила я. При этом не смогла сдержать улыбки.

— Нет. Не хочу. Погулять ещё можно. Пообщаться. Но вот на могилы ездить и квартиру убирать... Пусть уж как-то без меня. Когда-то, по молодости, мне это было нужно. Я хотела семью. Хотела, чтоб с кем-то идти рядом по жизни. И ради этого я готова была терпеть любые трудности. Казалось, что вдвоём проще вырастить детей. Да и для души приятнее знать, что рядом есть человек, который поддержит. Но по жизни пришлось понять, что в жизни мы одиноки. Нельзя не на кого рассчитывать. Люди могут говорить красивые слова, которым хочется верить. Но на деле надо понимать, что слова как приходят, так и уходят.

— Грустно это.

— Так жизнь такая и есть: грустная и противная штука, но с приятными моментами, — ответила мама. Хотя на губах у неё и была улыбка, но в глазах мелькнула грусть. Не верить ей было сложно. Но одновременно я и понимала, что это её опыт, её история. Моя может отличаться.

На улице царила настоящая осень. С хмурым небом, ветром и листвой, которую ветер бросал в лицо. После такой погоды хотелось одного: горячего чая и тёплого одеяла. Вместо этого нужно было сходить домой. Взять какие-то вещи. Меня нагнал Артём, который ходил

ставить машину в гараж.

— Как настроение? — сразу беря меня за руку, спросил Артём.

— Сколько тебе лет?

— А сколько дашь? — спросил он.

— От двадцати до тридцати. Мама тебя видела. Говорит, что ты несерьёзный.

— Несерьёзный? — Артём рассмеялся. — Вот в таком меня точно ещё не обвиняли.

— Уходишь от ответа. Так сколько тебе лет?

— Не ухожу. Не считаю, что это важно.

— Почему?

— Потому что возраст понятие относительное.

— Только не надо говорить, что всё зависит от опыта, внутренних качеств и своеобразного стержня, — ответила я.

— Но это так и есть, — рассмеялся Артём. — Но если тебя так интересует, то мне двадцать шесть.

— Ясно.

— Думаешь слишком молод?

— Да.

— Лора, можно и в тридцать лет оставаться довольно наивным человеком, а можно и в двадцать потерять эту наивность.

— Считаешь меня наивной?

— Ты не чтоб наивная, но как-то слишком узко мыслишь. Ты когда-то увидела одну дорогу и идёшь лишь по ней, не замечая другого пути. А жизнь состоит из разных дорог, перекрёстков и эстакад.

— Но ты сам живёшь довольно узко, — возразила я. Мы подошли к моей квартире.

— А ты в этом так уверена? — насмешливо спросил он.

— Ладно, оставим этот спор. Я не буду брать с собой все вещи. Возьму лишь немного.

— Чтоб всегда была возможность быстро уйти?

— Да.

— Логично, — он снял ботинки. Пошёл невозмутимо в комнату. — Ты договорилась с мамой, когда я могу её навестить?

— Пока нет.

— Предлагаешь мне это сделать? — спросил Артём.

— Позже.

— Ладно. Подождём ещё недельку. Лора, я тебя случайно не обидел?

— Я пока думаю над этим. Ещё не решила стоит ли мне на тебя обижаться или нет.

— Уверен, что ты умная и хорошая, поэтому не обратишь внимание на эту резкость.

— Грубая лесть? — спросила я, доставая сумку и открывая шкаф.

— А как же, — усмехнулся Артём. Взял с подоконника яблоко. Потёр его об свою жилетку и стал жевать, бродя по комнате. — Я работаю посменно. Два через два. В остальные дни могу тебе помогать. Потом можем на дачу ездить. Или в город. Но это мои мысли и привычки. Как ты проводишь свободное время?

— Сплю или фильм смотрю.

— Тогда будем с тобой учиться проводить его вместе, — задумчиво сказал Артём.

— У тебя же были и удачные свидания? Не всегда же всё так плохо проходило, как ты описывал.

— Допустим. К чему ты клонишь?

— Почему раньше не получались серьёзные отношения?

— Честно?

— Конечно. Или ты хочешь мне соврать? — спросила я.

— Иногда можно врать, если ложь во спасение.

— А мне кажется, что любая ложь — это предательство.

— Нет, у человека должны быть личные тайны, о которых другим знать необязательно.

У каждого есть потайные комнаты души, куда нет другим места. Бывает, что человек задаёт вопрос, но не хочет получить правдивый ответ. Ему нужно услышать слова: всё будет хорошо, чтоб не опустить руки.

— Меня не пугает правда.

— Ладно. Одни девушки были такие, что я не хотел бы знакомить их с родителями. Другие не были для семейной жизни. С ними было интересно, но... Интересно встречаться, но не жить. А те, кто нравился мне, тем не нравился я. Не совпадали общие взгляды на жизнь.

— Ясно.

— А с тобой у нас взгляды совпадают.

— У нас нет этих взглядов, — ответила я.

— Так это и интересно. Мы будем создавать их с нуля, — ответил Артём. — Вместе решим, что нам нравится, вместе решим, как жить дальше. М? Или сомневаешься?

— Я не думаю, что у нас что-то получится долгое и удачное.

— Знаешь, а может и не получится. Мы можем через неделю поссориться из-за ерунды и разбежаться. Но мы хотя бы попытаемся. Хуже, если мы будем с тобой сомневаться и пропустим то время, когда мы могли бы быть вместе и жить вместе, а не ходить кругами вокруг друг друга.

Он хрустел яблоком. Я собирала вещи и думала, что иногда надо рисковать, чтоб понять нужно ли это или нет. В душе я хотела семью. Не из-за «пора и время пришло». Одиночество меня тяготило. Хотелось именно общения, прогулок по тому же лесу, объятий, поцелуев и тепла в душе. Попытаться было нужно.

Переезд к Артём занял мало времени и прошёл нормально. Его родители особо не возражали появлению меня в их квартире. Если мама Артёма относилась ко мне недоверчиво, то его отец встретил весьма тепло. Но скоро я поняла, что у них своя жизнь, а у нас своя. Да, мы пересекались на кухне, в коридоре и порой в комнатах, но такого уж тотального контроля с их стороны не было. При этом Артём был довольно предупредителен в отношении к ним. Он закупался продуктами. Возил куда нужно, помогал, если требовалась помощь. За следующий месяц я от него не слышала ни одного громкого или грубого слова. Чем больше я узнавала Артёма, тем больше он казался мне идеалом.

В тот день я пришла с работы просто без сил. Начинался снегопад. Наверное, поэтому и стало резко плохо. У меня было лишь одно желание: лечь в кровать и уснуть. Артём был на работе. Тимур Тарасович сказал, что Анна Григорьевна спит. Ему же надо было съездить в город. Он попросил, если что, приглядеть за Анной Григорьевной. Я ещё подумала, что она, как и я, среагировала на снег. Пообещав за ней приглядеть, я ушла в комнату. Не стала дверь закрывать. Раз уж слово было дано, то вместо сна, я включила телевизор. Новости, какой-то сериал. Вроде интересный. Только пока я следила за событиями, то всё равно уснула. Глаза закрылись на минуту. Я же окончательно провалилась в сон.

— Ах, ты дрянь! Я тебе говорила убираться отсюда! А ты, воровка! Ведьма! — слова резко ворвались в сон. Запахло палёным. Я открыла глаза. Первое, что бросилось в глаза, это была Анна Григорьевна в розовой ночнушке со свечой в руках и безумным взглядом. Она водила свечой над кроватью. Воск капал на покрывало. Из коридора потянуло дымом.

Я уже была на ногах. На кухне горела клеёнка, которой был накрыт стол. Огонь довольно быстро перебрался на обои. Не думая, я схватила с плиты кастрюлю и вылила суп на стол. Полотенцем я попыталась сбить огонь. Анна Григорьевна появилась в коридоре. Начала смеяться, размахивая свечой. Так огонь было не сбить. Я открыла воду. Набрала воды в кастрюлю и вылила на обои. Анна Григорьевна пошла на меня. Её глаза горели ярче свечи. Лицо перекосило.

— Ты! Воровка! Хочешь у меня последнее отобрать? — зарычала она, тыча мне в лицо свечу. Как-то на автомате я задула свечу. Так это взбесило Анну Григорьевну. Она хотела накинуться на меня, но поскользнулась на мокром полу. Громкий стук падающего тела раздался в квартире чем-то вроде грома. Анна Григорьевна начала смеяться. Она лежала на полу, среди остатков супа и смеялась. Мне же было жутко.

От обоев и клеёнки шёл дым. Пахло гарью. Я же не знала, что делать. Анна Григорьевна перестала смеяться. Вместо этого начала реветь. Сжалась комком и плакала. Я поставила кастрюлю на стол.

— Анна Григорьевна, давайте помогу подняться, — тихо сказала я.

— Воровка. Грязная воровка. Ненавижу тебя, — проревела она.

Я помогла ей подняться. Она не сопротивлялась. Лишь плакала. Мы с ней дошли до ванной... Умылись. Потом я помогла ей переодеться и уложила в кровать. Она посмотрела на меня пустым взглядом.

— Кто ты? Моя смерть?

— Я Лора.

— У смерти нет имя. У неё есть... — она замолчала. Начала мычать.

Я оставила её в кровати и пошла убираться. Меня трясло после пережитого. Откровенно было страшно. Кое-как я прибрала кухню. Заглянула в комнату к Анне Григорьевне. Та продолжала петь. Хотелось сбежать. Уйти к себе домой, где было безопасно. Закрыться в своей комнате и никого не пускать. Вместо этого я набрала Артёма.

— Твоя мама подожгла стол на кухне, — сказала я.

— Где отец? — ничуть не удивившись, спросил он.

— Не знаю. Уехал.

— Я сейчас приеду. Ты можешь подождать?

— Подожду, — ответила я.

После этого я вернулась на кухню. Открыла окно, чтоб впустить свежий воздух и как-то избавиться от гари. Хорошо, что в этом месте не было проводки. Ничего не пострадало, кроме стола и стены.

На улице кружил снег. Наблюдая за ним, я на какое-то время отключилась. Реакция на стресс у всех разная. Мне было проще какое-то время не думать. Минута, две, пять минут. Никаких мыслей. Снег. Ветер. Тишина, нарушаемая тихим то ли воем, то ли стоном.

Я услышала, как открылась входная дверь. Это заставило меня прийти в себя и посмотреть, кто пришёл или кто пытается уйти. Я не знала, что делать, если Анна Григорьевна решит уйти погулять в ночной рубашке и босиком. Не бороться же мне с ней! Но и что-то подсказывало: она не будет меня слушать, если я начну возражать против такой прогулки.

Артём, не разуваясь, подошёл ко мне.

— Она в комнате, — сказала я, отходя в сторону. Артём лишь мельком взглянул в сторону мамы. Заходить не стал. Вместо этого он прошёл на кухню. Осмотрел стены и стол.

— Испугалась?

— Я? Нет, всё нормально. Я привыкла к тому, что когда открываю глаза, меня хотят поджечь, — хмыкнула я.

— С ней иногда такое бывает, — ответил Артём.

— Надо было предупредить.

— Надо. Но это сложно, — ответил Артём, снимая клеёнку и выкидывая её в мусор.

— Артём...

— Отец приедет через три часа. Это время я побуду с вами, а потом вернусь на работу.

— Надо было предупредить, — тихо повторила я.

Страх. У него есть привкус металла. Когда-то давно было страшно. Я тогда лежала в канаве и не могла пошевелиться. Металл, вода, грязь, кровь, беспомощность — это врезалось в память, как и фары проезжающих мимо машин. Ничего нельзя сделать. Ничего. Остаётся лежать и ждать помощи.

Он обнял меня. От куртки пахло снегом и зимой. Его одеколоном. Чем-то приятным и личным. Узнаваемым.

— Такое бывает редко. В декабре. Приходят дурные воспоминания. И так получается. Бывает. У каждого свои демоны. Иногда они выходят наружу.

— Вместе со снегом?

— Да. Вместе со снегом, — ответил Артём. — Вместе со снегом и зимой.

— Хочу сбежать.

— Не получится, — ответил он.

— Почему?

— Потому что страх пройдёт, а потом придёт сожаление о слишком поспешном решении, — ответил Артём. — В кладовке есть запасной рулон обоев. Сегодня всё поправим. Обои и клеёнку поменять можно. Сложнее заставить человека забыть то, что не хочется вспоминать.

— Что ты делаешь? Это прямая порча овощей. Нужно аккуратней. Нежнее. Ты же девочка, — отбирая у меня нож, сказал Артём. — Еда должна быть не только вкусной, но и красивой.

— Тогда режь сам. У меня не получается, — разозлилась я. Мы готовили ужин. Мне же

нужно было порезать свежие овощи для закуски.

— Лора, не обижайся. Я тебя даже в мысли не хотел обидеть. Но могу научить, как всё сделать более аккуратно. Смотри сюда, — мягко сказал он. — Не надо бояться ножа. В уверенных руках он всего лишь инструмент, но никак не оружие.

— Я плохо готовлю.

— Всему можно научиться. Было бы желание.

— А оно у меня есть? — насмешливо спросила я.

— У тебя есть желание стать в чём-то профессионалом. Найти хобби. Так почему это не может быть приготовление еды? Только попробуй. Если не будет что-то получаться, то я подскажу. А уж если всё это начнёт бесит, то придумаем что-то другое. Давай теперь ты.

Порезать красиво и фигурно овощи оказалось не так уж и сложно, хотя всё и получалось намного грубее, чем у Артёма. Он любил готовить и тащил меня в своё хобби. Рассказывал какие-то секрет. Каждый вечер, когда у него был выходной, то мы вместе готовили. В его руках всё превращалось в произведение искусства. У меня же было лишь блёклое подобие, но он упрямо считал, что рано или поздно я научусь. Я в это не верила, но с ним было интересно.

После ужина мы шли гулять, если погода позволяла. Иногда ночевали на даче. Там могли сидеть около костра и разговаривать. Обсуждать далёкие звёзды, строить предположения о внеземной жизни или рассказывать что-то из детства. Я понимала, что это всё временно. Рано или поздно темы закончатся. Потом придёт привычка. И тогда станет скучно, но пока мы не могли наговориться. Иногда случалось, что наступало молчание и тогда можно было просто сидеть и слушать тишину. Никогда не думала, что тишина может быть такой красивой и приятной. В неясном свете лампы в комнаты или огня от костра, фонаря или луны — просыпались какие-то непонятные, незнакомые чувства. Спокойствие, удовлетворённость от жизни и нежность окутывали пологом, отгораживая меня от всего мира с его суетой и проблемами.

Вначале его желания обнять, прикоснуться, поцеловать в щеку, реже в губы — это вызывало приятное чувство, но это чувство не было глубоким. Со временем близость начала приносить тепло и волнение. Приятное ощущение лёгкого возбуждения, от которого на миг останавливалось сердце, а я начинала забывать дышать. Говорят, что любовь должна накрыть внезапно. Резко. Это ураган, который врывается в сердце и уносит вдаль. Нет. Было иначе. Это было просто тепло, которое ласково обволакивало и давало энергию для того, чтоб жить дальше.

Когда выдавалось свободное время, а оно было, когда Артём был на работе, а я заканчивала раньше, то я шла к маме. Помогала ей товар выставлять и просто общались. Часто речь заходила и об Артёме. Мне казалось, что она ждёт, когда мы с ним расстанемся. Наверное, поэтому и отказывалась с ним знакомиться, находя один аргумент за другим. После того как она сказала, что это всё до первых проблем, я не выдержала и спросила, а какие должны быть проблемы, чтоб мы должны были разойтись.

— Проблемы бывают разные. Знаешь такую поговорку, как медовый месяц? Почему он так называется? Потому что молодые находятся в эйфории. Они не могут насладиться друг другом. Новые ощущения, узнавание друг друга. Потом этот период спадает. Парочка выбирается из кровати и смотрит по сторонам. Тут и появляются проблемы. Друзья, старые привычки возвращаются. Новизна уже так не привлекает. Она становится обыденностью. Именно поэтому мужчины ходят на сторону, ища новых ощущений, — ответила она.

— Артём не такой. Как я смогла понять, для него важна стабильность.

— Стабильность? И в чём эта стабильность проявляется?

— Он всё рассчитывает на несколько шагов вперёд. Для него каждое решение — это взвешенный шаг. Он хотя и пытается представить, что это не так, а в его жизни есть и спонтанность, но я вижу, что это не так. Артём очень дотошный, педантичный. Но свои взгляды не навязывает другим. У него вещи лежат строго на своих местах. Хотя порой и кажется что это беспорядок и в нём нет логики, но для него логика есть. Я как-то предложила ему переложить папки с рисунками в другое место. Было видно, как ему тяжело далось это решение. В итоге он предложил альтернативный вариант. Прибил на даче ещё одну полку, где я смогла хранить свои вещи, но эти папки оставил в покое. У него в ванной все пузырьки расставлены в строгом порядке. Как и крупы, приправы в шкафах. Да что говорить, он картошку по размеру клубней сортирует. Говорит, что так удобнее потом готовить. Для салатов надо использовать мелкие клубни, а для жарки крупные. Я часто делаю что-то не так. Нарушаю его порядок. Он идёт и исправляет, потому что ему не нравится, когда в жизнь врывается хаос. Артём признаёт лишь контролируемый хаос. Например, не кладёт по порядку карандаши и листы с рисунками. Не думаю, что такой человек может изменять.

— С таким человеком тяжело жить.

— Меня пока это устраивает.

— Ты не боишься, что потом не сможешь от него уйти?

— То ты говоришь, что мы с Артёмом скоро расстанемся, то говоришь обратное. Я уже не понимаю, — с раздражением сказала я.

— До этого я не знала о его характере. Есть такие люди, которые заклиниваются на одном человеке и не могут его отпустить. Твой Артём может быть из таких людей. Нужно быть с ним осторожнее.

— А если это судьба? — спросила я.

— Может и судьба, — легко согласилась мама.

— Не веришь?

— Верю. К Новому году поймём судьба это или проблемы.

— Почему ты так считаешь?

— К тому времени вы насытитесь друг другом. Страсть уйдёт. Или думаешь будет страсть вечной?

— Мы с ним так и не перешли эту грань. Кровать одну делим, но не больше, — ответила я, хотя и почувствовала как кровь приливает к щекам.

— Хочешь сказать, что вы...

— Угу.

— Вы уже полтора месяца живёте вместе.

— Я знаю.

— Он что-то говорит на эту тему?

— Нет.

— Знаешь, Лор, но это не совсем нормально. Тем более для мужчины в его возрасте. Попробуй спросить прямо, — посоветовала она.

— Думаешь, что в этом есть какая-то проблема? — спросила я.

— Одна из самых главных ошибок — это когда люди не разговаривают друг с другом. А такие вещи лучше обсудить, — ответила она. — А уж потом поговорим о совместном обеде.

Бывает так, что живёт женщина обычной жизнью. У неё есть работа, родители, есть муж и сын. Можно сказать, что почти идеальная жизнь, а потом что-то происходит такое из-за чего жизнь больше не кажется идеальной. Теряется смысл. Больше нет ощущения безопасности. Вместо этого в жизни появляется страх, слеплённый из жутких воспоминаний, боли и беспомощности, с которыми не может справиться сознание. А если воспоминания завязаны на чём-то определённом, то они начинают повторяться вне зависимости от желания человека. И ничего нельзя сделать. Можно убеждать, что больше этого не повторится, но сознание будет упрямо твердить, что это ложь.

К сожалению, нет таблеток, которые могут отключить воспоминания. Есть лишь таблетки, которые заглушают чувства и уводят от реальности. После них появляется пустота и апатия. Чтоб избавиться от пустоты и апатии, можно выкинуть таблетки. Можно надеяться, что ясность ума останется, но вместо ясности приходит срыв.

Артём объяснял, осторожно подбирая слова. Я пыталась понять, но в голове была только одна мысль, что была больше похожа на обиду: он должен был предупредить.

— Значит это всё приобретённое? — уточнила я. — Могу быть уверенной, что с тобой такого не будет?

— У меня всё нормально с головой. Да и у мамы это сезонное, — ответил он.

— Что ты мне ещё не сказал? О чём не предупредил?

— Я не люблю праздновать дни рождения.

— Почему?

— Просто не люблю, — пожал он плечами. — Это пустое. Дарить подарки один раз в год с привязкой к дате — глупо.

— Наверное, — ответила я.

Мы сидели в комнате. Артём так и не снял куртку. Он держал меня за руки, словно думал, что я убегу. Из соседней комнаты доносилось бормотание.

— А куда ушёл твой отец?

— К врачу. Ещё и за таблетками. Такое, к сожалению, иногда бывает.

— Точно больше нет никаких недоговорённостей? — уточнила я. — Чтоб не было больше таких ситуаций.

— Я не могу иметь детей, — ответил Артём. — Скажем так, для меня эта часть отношений далеко не главная. Хотя я заметил, что и для тебя. В этом мы с тобой похожи. Или нет?

— Не знаю. Как можно знать то, о чём имеешь весьма смутные представления?

— Согласен. Но нам вместе нормально? Не считая мелких неприятностей?

— Считаешь, что это всё мелкими неприятностями?

— Ну, мы с тобой живы, в здравом уме и ясной памяти. Нам с тобой интересно. Так чего считать жизнь неприятностью? Это мелочи, — ответил Артём.

Над всем этим нужно было подумать. Понять. Болела голова. Хотелось забраться под одеяло и уснуть.

— Ты ведь не уйдёшь? — спросил Артём.

— Не уйду, — ответила я. Несмотря на всё произошедшее уходить не хотелось.

Не знаю в какой момент, но я поняла, что жизнь налаживается. Наверное это случилось на Новогодних праздниках. Тогда это было какое-то волшебное время. Ночной город, гирлянды, снег, горячий кофе и невероятно вкусный пирог. Дача, лыжи, баня, сборник рассказов, что мы читали вслух по очереди. Вой волка в ночи. Тоскливый и унылый. Я тогда

испугалась, а Артём лишь смеялся над этими страхами, говоря, что надо не волков бояться, а людей. Поход в театр на спектакль и актёров с гастролями из Петербурга.

К тому времени мама согласилась встретиться с Артуром. Встреча прошла нормально. Посидели, чай попили. Поговорили ни о чём. Основной разговор состоялся с мамой на следующий день, когда я прямо спросила её мнения, заглянув в гости после работы.

— О вкусах не спорят, — ответила она.

— И как это понять? Он тебе не понравился?

— Жить тебе с ним, а не мне. Не понравился мягко сказано. Можешь на меня обижаться, но Артём какой-то мутный тип. С одной стороны, он интеллигентный молодой человек, который уверенно стоит на ногах. Воспитанный, культурный, начитанный. Я вижу, что ты ему нравишься. Но с другой стороны — в нём есть что-то мутное. Ты этого не видишь? — внимательно смотря на меня, спросила она.

— Нет. За всё время что мы с ним вместе, он мне только показался хорошим и заботливым, — возразила я. — Сама подумай, у него нет вредных привычек. Он не любит ругаться и спорить. Да, есть некоторые закидоны, но они вполне терпимые.

— Закидоны? — переспросила мама. — Меня всегда удивляло, что в нашем роду все чего-то терпят. Я терпела запои твоего отца. Потом к запоям пришёл азарт и ставки на деньги. Это уже я не смогла выдержать. Рада терпит своего любвеобильного Ивана, который не скрывает, что готов залезть под любую юбку. И ты тоже хочешь терпеть. Но разве жизнь — это какие-то жертвы? Почему надо всё время жертвовать в угоду кому-то? Почему нельзя жить в своё удовольствие? Или такое сильное желание создать семью? Родить детей?

— Скорее желание общения. Дети тут ни при чём. Да и не будет их. Мы просто живём вместе из-за общих интересов, — ответила я.

— Дети не выбирают момента, чтоб появиться.

— Они могут появиться, только если чего-то есть. А если ничего нет, кроме общения, то со слов они не появятся, — рассмеялась я.

— Хм, тогда я точно не понимаю зачем он тебе нужен. Почему нельзя найти нормального мужчину?

— Может потому что меня устраивает этот? — в свою очередь, спросила я.

— Что-то мне подсказывает, что это всё временно.

— Ты это говоришь ещё с сентября. А сейчас уже январь заканчивается. Посмотрим, что будет дальше.

— Лор, ты серьёзно хочешь потратить время на него? Тебе не кажется, что это глупо? Обернёшься через десять лет, а ничего уже не вернуть. Годы они пролетают быстро. И только от тебя зависит, как они будут наполнены. Не будешь жалеть об упущенных возможностях?

— Не знаю, но если сомневаться о каждом сделанном шаге, то я совсем никуда не пойду. Так и останусь на месте, боясь сделать лишний шаг. Сейчас же я пока что в движение и мне это нравится. Намного лучше двигаться, чем плыть по течению серой жизни. Только после встречи с Артёмом, я поняла, что жизнь — это не только работа на износ и серость вместе с безысходностью, но и приятные моменты, о которых хочется вспоминать.

— Это всё актуально, пока ещё не знаешь, что такое страсть. Там же будет другой разговор. Дружба дружбой, а инстинкты ещё никто не отменял, — ответила мама.

Что такое семья? Наверное, то когда два человека сходятся вместе, начинают вести совместный быт. Они много общаются, или, наоборот, мало, но это не мешает им наслаждаться обществом друг друга. Именно наслаждаться, а не терпеть. Споры какой посмотреть фильм или какая будет музыка сегодня вечером не превращаются в скандалы с выяснением отношений.

Мы как-то с Артёмом легко сошлись. Нам не нравились шумные компании. Неплохо проводили время на даче. Правда, когда в мае начался посадочный сезон, то я вспомнила, что такое дачный фитнес и как это доползти до кровати без рук и ног после посадки картошки.

Это был как раз майский день, когда я уже проснулась, но вставать не хотелось. Вместо этого я просто лежала и наблюдала за бабочкой, которая летала по комнате. В соседней комнате был слышен разговор. Дверь была открыта, поэтому голоса доносились хорошо. Хочешь не хочешь, а услышишь.

— И долго эта девка будет жить в нашей квартире? — недовольно спросила Анна Григорьевна.

— Её зовут Лора. Сколько потребуется столько и будет, — спокойно ответил Артём.

— Мне надоело терпеть чужое присутствие в своей квартире. Она мне мешает. Без неё было спокойнее, — сказала Анна Григорьевна.

— Я уже говорил, что от вас съезжать не собираюсь, — сказал Артём. — Мы это уже проходили и ни к чему хорошему наш разъезд не привёл. Думаю, не будем напоминать, чем всё закончилось?

— Но она мне мешается. Раздражает, что вы смеётесь. Болтаете. В квартире постоянно стоит шум. Это мешает мне спать.

— А я тут с Аней соглашусь. Понимаю, что вы дружите, но можно общаться и вне стен квартиры. Катайтесь на дачу, разговаривайте по телефону. Зачем вместе жить? — вмешался в разговор Тимур Тарасович. — С появлением Лоры Аня стала больше нервничать.

— Зато я перестал, — ответил Артём.

— Артём, может ты и считаешь, что ей от тебя ничего не надо, но это не так, — Тимур Тарасович пытался подобрать слова. Выходило это у него коряво. — Уверен, что Лора преследует корыстные цели. Ей от тебя нужны деньги, квартира...

— Машина. Я помню. Как и не собираюсь ничего ни на кого записывать.

— Когда она это поймёт, то уйдёт.

— Не уйдёт. Я думаю на ней жениться. Всё добрачное имущество останется на мне. В этом плане защита надёжная. А машину в случае развода как-нибудь потом поделим.

— Жениться нужно не по дружбе и не по любви, а когда есть что-то такое, что должно укрепить союз. Например, дети.

— Отец верно говорит. Если бы я тогда не забеременела, то ни за что не вышла за него замуж, — вставила Анна Григорьевна. — У меня были и куда лучше поклонники.

— Давай не будем это вспоминать, — остановил её Тимур Тарасович.

— А я к чему это вспоминаю. К тому что тебе эта девка не нужна.

— Нужна.

— Упрямый ты. Если бы не твоё упрямство... — в сердцах сказал Тимур Тарасович.

— То давно бы помер, — ответил Артём. — К Лоре не приставайте. Она мне нужна. Вы нужны друг другу. По какой-то причине прожили двадцать шесть лет. Разводиться не собираетесь. Так чего я не могу жить так же?

— Вроде умный, а не понимаешь, — хмыкнула Анна Григорьевна. — Выгнал бы ты её.

— Мы это проходили. Второй раз можно будет и не вернуться, — ответил Артём.

Я услышала его шаги. Сразу закрыла глаза, делая вид, что сплю. Артём зашёл в комнату. Подошёл к столу. Я наблюдала за ним.

— Не спишь? — неожиданно спросил он.

— Почему ты так решил?

— Дыхание, — ответил Артём, ловя бабочку и выпуская её на улицу. — Пойдём на реку после завтрака?

— Рыбу ловить? — усмехнулась я.

— Купаться.

— Вода холодная.

— Сейчас тепло, — отмахнулся Артём. — А вода всегда холодная. Ключей много.

— Тогда пойдём сейчас, — сказала я. — Завтрак никуда не денется.

Артём согласился. Похоже, ему необходимо было уйти из дома. А речка это было то место, куда можно было сбегать на несколько часов. Из-за весны и снега речка превратилась в хорошую полноводную реку. Она разлилась и дошла почти до досок моста, затопив луг.

Мне хватило дотронуться до воды, чтоб ощутить её колючий холод. Артёма же это никак не смутило.

— Ты хочешь реально искупаться?

— А почему нет? — весело спросил он.

— Заболеешь.

— Нет, — складывая вещи на мосту, сказал Артём.

— Я на такой экстрим не решусь, — сказала я, наблюдая за ним.

Он только плечами пожал, ныряя с моста в воду. Я осталась на мосту, только села на тёплые доски и свесила ноги, опуская их в воду.

— Хорошо бодрит, — отфыркиваясь, сказал Артём.

— До воспаления лёгких?

— Не воспалятся. Иногда нужно выпустить пар. Холодная вода хорошо помогает, — ответил он, уходя под воду.

Я же смотрела на воду, яркую и сочную зелёную траву, быстрых муравьёв. Ловила тёплый ветер и ласковое солнце. Слушала, как что-то стрекочет и квакает. Мир вокруг был наполнен жизнью. Жизнь кипела и одновременно плавно текла мимо меня. Мимо прошла молодая семья. Пару не было и тридцати лет, а женщина уже вела за руку девочку лет пяти. По щебетанию малышки они шли то ли за шишками, то ли за подснежниками. Время подснежников уже прошло, но это малышку никак не смущало. Семья была как на картинке. Не знаю, как они жили, но сейчас, идя в лес искать медведей, подснежники и шишки, они были счастливы.

Семья. Он, она, дети — это семья. Или семья — это что-то другое? Мимо проехали подростки на велосипедах. Смеялись. Дружба. Дружба и семья совместимы? Или семья — это любовь и страсть? А любовь — это обязательно огонь или достаточно просто хорошего отношения друг к другу?

— О чём думаешь? — забираясь на мост, спросил Артём.

— О жизни.

— А чего о ней думать? Надо жить и чувствовать.

— Чувства — это понятие сложное, как и ароматы. Они содержат в себе столько ноток, которые трудно разобрать.

— Разбирать нужно лишь для отчёта перед кем-то. Меня это всегда раздражает. Почему нужно объяснять кому-то как ты живёшь, и почему ты живёшь именно так, а не иначе? А люди требуют ответа. Объяснения. И тогда начинается вот это самокопание и попытки понять, что не так или почему всё так. Когда никто не спрашивает, то и не задумываешься на тему «правильности» жизни и поступков.

— Не всегда причиной этого являются люди. Иногда смотришь на окружающих и думаешь, что живя в своём мире ты можешь что-то упустить.

— Сравнение? Но как можно узнать, что чужой мир подойдёт и тебе?

— Надо пробовать.

— Некоторую гадость лучше в рот не класть, — ответил Артём. — Она может вызвать зависимость и пустить твою жизнь под откос. Лучше жить в своём мире и строить его по своим правилам.

— Думаешь мы правильно с тобой живём? — спросила я.

— А кто судьи, Лор? Кто может сказать, что мы с тобой живём неправильно? Да и откуда такие мысли?

— Мама и сестра. Они не верят, что всё это серьёзно.

— А какое им дело серьёзно или нет?

— Наверное, переживают за меня.

— Мы с тобой уже скоро год вместе. Так чего расходиться?

— Я так и не поняла, что у нас с тобой за отношения. Мы семья или дружим?

— Всё одновременно. Разве так не может быть? — спросил он. — Можно поставить штамп в паспорте, если этого хочешь.

— А ты этого хочешь?

— Пока нет, — ответил он. — Тут дело в том, что пока рано. Кстати, я тут думаю. Может тебе получить профессию?

— Мне уже поздно учиться.

— Это никогда не поздно. Сейчас, когда с деньгами стало полегче, а один кредит ты закрыла, то есть хорошая возможность. Я добавляю. Не всё же тебе почту носить.

— Не думаю, что это хорошая идея, — ответила я.

— Я помогу. Лора, давай не будем сомневаться, а попробуем изменить жизнь. Ведь моё предложение жить вместе в итоге оказалось правильным. В этот раз я уверен, что мы с тобой на правильном пути, — сказал он, переводя тему.

Я посмотрела на него. Он любовался рекой. Болтал ногами в воде и словно совсем не чувствовал холода. Дружба или чувства? Вот что нас связывало? А ответа на вопрос не было. Хотя я не была уверена, что мне этот ответ был нужен.

Я не знаю как так получилось, но Артём уговорил меня попробовать себя в кулинарии. Для начала курсы, а потом и пойти учиться дальше, если это будет по мне. Я сопротивлялась, отнекивалась, но он настоял. И как-то вдруг начало получаться. Хорошего повара из меня не получилось, а вот кондитер-пекарь пошло. Мне нравилось печь. Тесто меня слушалось. А вместе с тестом и различные крема и украшения готовых изделий. Я никогда не думала, что можно получать удовольствие от того, что я делала. Где-то к осени Артём меня подбил сменить работу. В булочную требовались пекари. Я думала, что меня не возьмут, а тут резко взяли. Да и зарплата была больше чем на почте. И график два через два. Считай по сменам Артёма. Сентябрь прошёл в сомнениях, что это моё. Я всё время боялась совершить ошибку. Но к октябрю начала появляться уверенность, что всё не просто так.

С каждым месяцем жизнь становилась легче. Это чувство было таким необычным, что напоминало что-то волшебное и пьянящее. Меня перестали пугать трудности. Хотелось движения. Если сравнивать жизнь с застоявшейся водой, то моя вода нашла путь двигаться дальше, разрушив плотину. И мне нравилось это движение.

Как-то сама по себе появилась новая причёска, одежда. Я заметила, что стала чаще улыбаться. Жизнь перестала давить удавкой и это как-то радовало.

— Иногда мне кажется, что в том году у меня правда началась вторая жизнь. Если бы ты меня тогда не подвёз, то я бы уже давно погибла, — как-то сказала я Артёму. Мы тогда смотрели фильм. За окном бушевал осенний ветер. Отопления не включили. Поэтому было приятно лежать в кровати под одеялом и греться друг об друга.

— Случайных встреч не бывает, — ответил Артём. — Мы должны были встретиться, вот и встретились.

— Чтоб поменять что-то в жизни?

— Да. Каждый из нас меняет другого в лучшую сторону, — ответил он, кладя голову мне на плечо. — Ты даёшь мне то, что не хватает мне, а я тебе отвечаю тем же.

— Ты мне дал уверенности.

— Ты и без меня была уверенной и смелой, хотя так не считала. Не сдаваться, когда вокруг серо и тяжело — на это нужны силы. У тебя они есть.

— Как и у тебя, — заметила я.

— Нет, я слабый человек в этом плане. Мне сложно встречать удары судьбы, поэтому я предпочитаю их избегать.

— Серьёзно? — спросила я. В это было как-то сложно поверить. Артём мне казался очень уверенным и расчётливым человеком.

— На меня очень сильно отразилась ситуация с матерью. Это уже не первый год всё происходит. Первый год был очень тяжёлым. Потом учёба. Какие-то мелкие проблемы, что накрыли волной. Это сломало.

— Но сейчас ты в порядке.

— Да. В порядке. Отчасти благодаря тебе. Приятно знать, что есть кто-то кому ты не безразличен. Родители — это родители. Иногда просто необходимо почувствовать кого-то рядом, кто не отвернётся и поймёт.

— Поймёт что?

— Чего угодно. Тут не важно. Главное, что поймёт.

Понимание. Об этом я не думала. Но ведь действительно. Люди часто не понимают друг друга. Выставляют какие-то завышенные требования друг к другу. Потом обижаются, когда их ожидания не оправдываются. А порой достаточно лишь понять и принять человека таким, какой он есть. Не такого, каким хочешь его видеть, а таким, какой он есть. Понять, почему он тебе нравится. Может за тот момент, когда вот так можно спокойно смотреть фильм. Держать друг друга за руку, чувствовать... Но что я чувствовала? Тепло, которое в любой момент должно было перейти в огонь? В душе это тепло копилось. Тлело, чтоб однажды превратиться в пожар.

И пожар случился. Он накрыл меня, когда я меньше всего ожидала. Наверное так и бывает. Любовь приходит тогда, когда её не ждёшь. День рождения мамы. Артём не смог пойти, потому что простыл. Я пошла одна. Справляли у нас. Хотя мама и переехала к своему кавалеру, освободив квартиру для Рады, но праздники мы продолжали справлять вместе. Теперь в комнате, которую раньше мы занимали с мамой, жил друг Ивана. Антон. Это было неприятной неожиданностью. Нас с мамой никто не предупредил. И пусть друг Ивана был в состоянии развода. Ему некуда было идти, потому что жена выгнала, но нужно было нас спросить. Возмущения пропали так и не успев начаться. Антон оказался галантным мужчиной, да ещё и с такой харизмой, что минут через пятнадцать мы с мамой уже были рады, что он у нас живёт.

Это напоминало наваждение. Антон был старше меня на шесть лет. Мужественный вид и какой-то грустный взгляд человека, которому много пришлось пережить. Его хотелось инстинктивно пожалеть. Огородить от всех бед. Сказать, что Антон был умным человеком я не могла. Он и трёх слов связать толком не мог. Но всё покрывала харизма и чувство юмора.

От лёгкого алкоголя меня развязло. Рядом был мужчина, от близости которого меня пьянило ещё было. И это были другие ощущения, чем те, что я испытывала рядом с Артёмом. Всё-таки у нас с Артёмом были больше дружеские отношения...

И вот я уже целовалась в когда-то своей комнате с мужчиной, которого толком не знала. И почему-то меня не мучила совесть. Было лишь желание узнать то, про что так много говорили. Пять минут. Десять. Поцелуи стали всё горячее. А перед глазами появились другие картинки. Лес и поиск грибов. Переживания за Артёма, когда он нырял в холодную реку, утопив по осени ключи от дома. Ещё течение было таким сильным, что его то и дело относило в сторону, но ему принципиально было исправить свою ошибку. Дурацкий фильм, после которого мы так возмущались, что потом зашли в кафе и ели мороженое, перейдя после возмущения в смех.

Или тот день, когда я с температурой лежала...

Разве это можно было потерять из-за каких-то пару минут? Миг помутнения мог перечеркнуть всю жизнь. Я выбрала момент и стала одеваться. Это всё не стоило того. Не стоило. Только Антон так уже не считал. Алкоголь что-то сделал с телом. Оно меня не слушалось. Я хотела сказать, что это ошибка. Но разве кто слушать будет, когда страсть и алкоголь затмевает мозг? Так и начался обратный отсчёт моей жизни.

Только человек может испортить свою жизнь. Ему словно не хватает острых ощущений. Сколько я продержался, живя без проблем? Три месяца? Да. Мне хватило трёх месяцев, чтоб ощутить себя птицей, которая смогла расправить крылья и даже взлететь. Но после первого полёта я решила, что мне необходимо приземлиться в грязь и испачкать крылья, чтоб больше не летать.

Предательство. Я его предала. Просто так пошла на своих инстинктах. Одним вечером

перечеркнул год жизни. Год дружбы и поддержки. Чтоб услышать, что я «классная малышка», с которой так и хочется провести время. А мне хотелось одного: выгнать этого павлина из своей комнаты и больше его никогда не видеть.

Но было около часа ночи. Я была не совсем в адекватном состоянии. И никто мои слова всерьёз бы не принял. К тому же я поняла, что у меня была какая-то непонятная потребность вернуться домой и рассказать обо всём обидном, что произошло сегодня. Что я не поняла себя. Любопытство и желание — это разные вещи. И тело хотело совсем другого. Оно не хотело боли и грязи. Скорее объятий и спокойствия.

Но этого теперь быть не могло. И я это понимала слишком хорошо.

Я уснула лишь под утро. Потом проспала где-то до двенадцати, пока меня не разбудил Антон своими приставаниями. Ему явно захотелось повтора. И плевать было, что я хотела в этот момент спать. За последний год жизнь меня разбаловала. Я давно отвыкла, что приходилось бы чего-то терпеть. Особенно того, что не нравилось.

Душ. Кофе. Мысли бились пойманной птицей в клетке. Антон с довольной рожей на кухне.

— Я сейчас уйду. Через час возвращаюсь и твоих вещей здесь быть не должно, — сказала я, удивляясь резкости в голосе.

— Ты чего...

— Ничего. Вали из квартиры. Ясно? — наверное, что-то в моём взгляде ему не понравилось, потому что он не стал спорить.

— Смотрю ты не в духе, — только и брякнул он.

Не в духе — это было мало сказано.

Кофе залпом. Волосы в хвост. А дальше шаг в неизвестность...

Хорошо, когда кто-то стоит за плечом и помогает принимать сложные решения. Но чаще всего любое решение приходится принимать самостоятельно. Мне было больно. Ещё больнее от предстоящего разговора. Только иначе было нельзя. Врать Артёму я не могла, как и не могла сказать правду.

Он лежал в кровати. Смотрел телевизор. Когда я вошла в комнату, то сразу сел. Растрёпанные волосы, внимательные глаза, что смотрели сквозь очки, помятая флисовая рубашка — он напоминал воробья. Только взгляд был не воробьиный.

— Вот и вернулась. Как прошло день рождения?

— Весело. Аж баян порвали.

— Жаль, что я тут свалился с температурой. Ночью до тридцати девяти дошла.

— Я уснула. Не смогла прийти.

— Ты мне написала. Я читал, — ответил он. — Ничего страшного. Мне не пять лет.

— Артём, нам надо расстаться. Я назад к себе вернусь.

— Сядь. И давай спокойно поговорим.

— Не получится спокойно. Просто так нужно.

— Нет, не нужно. Но ты так считаешь и убедить тебя сейчас не получится, — спокойно ответил он. — Я как-то уже думал на эту тему. Хочешь уходить — иди. Я не буду держать. Но когда ты успокоишься и захочешь поговорить, то мой номер телефона ты знаешь.

— Не получится.

— Не получится сейчас. Но когда ты успокоишься и сможешь рассуждать здраво, то позвонишь.

Он был уверен, что это время наступит, но оно не наступило. Я не смогла набрать номер

телефона. Чтоб поговорить, нужно было простить себя, а у меня не получилось.

Жизнь такая непредсказуемая штука, что никогда не знаешь, какой будет от неё подарок или разочарование. Иногда мне казалось, что каждый день — это коробочка с перевязанной ленточкой. Держишь её в руках и думаешь, чего же будет в этот раз?

Какое-то время я всё же повстречалась с Антоном, пока он неожиданно не помирился с женой и не съехал. Это всё же вызвало у меня больше радость, чем сожаление. На работе ушла сменщица. Пока искали другую сотрудницу, я работала без выходных. Это, плюс небольшой кредит, позволили взять подержанную машину и перестать зависеть от автобусов. Я опять уставала до такой степени, что просто валилась с ног. Приходила домой и падала на кровать, чтоб забыться на несколько часов и проснуться под утро. И начиналось время мыслей.

Я понимала, что не пропаду. Жизнь только начинается. Если продолжить работать так же, как сейчас, то скоро появится шанс...

Шанс на что? Начать всё сначала, а потом наделать таких же ошибок? Отвратительных ошибок, которым не было оправдания.

— Ты ходишь вся зелёная. Всё в порядке? — как-то спросила мама, когда я зашла к ней в гости. Как раз работы стало поменьше и выдался выходной.

— Вроде нормально.

— Рада мне тут жаловалась, что ты с Иваном поругалась, — как бы между прочим сказала мама.

— Поругалась — это мягко сказано. Я ему пригрозила отрезать лишнее, если он ко мне опять лапы протянет.

— Ты в последнее время злая стала, как ведьма. С Артёмом не видишься?

— Нет.

— Не понимаю чего вы с ним поругались.

— Так было надо, — ответила я.

— Ты после моего дня рождения сама не своя ходишь. Может скажешь, что произошло?

— А смысл? Ты оказалась права, а я нет. Мы с Артёмом друг другу не пара.

Дверь открылась, пропуская очередного покупателя. Я машинально посмотрела в ту сторону. Артём. Мы не виделись с ним уже четыре месяца. Он никак не изменился. Такой же привычный, каким я его знала всё это время.

— Привет, — сказал Артём. Я лишь кивнула. Хотела уже уйти в сторону, но он не дал. — Подожди минуту. Средство для мытья посуды куплю. Хорошо?

— Подожду, — не охотно ответила я. Но он как-то сказал так, что я не нашла доводов сбежать. Попрошавшись с мамой, я вышла на улицу.

— Погода сегодня непонятная. То дождь пойдёт, то снег, — поднимая воротник куртки, сказал Артём.

— Будем о погоде разговаривать?

— По крайней мере, ты не сбежишь от этой темы. Как ты?

— Нормально. Работаю. Машину взяла.

— Ещё один кредит?

— Не улыбайся. Справляюсь.

— Это хорошо, что ты справляешься, — ответил он. — А мне без тебя тяжело. Как-то пусто стало. Может поговорим? Найдём решение?

— Да не о чем разговаривать, Артём. Это всё такая ерунда, что не стоит слов. Ты

слишком хороший, в отличие от меня. Я тебя на дно поташу.

— Вот как?! — он не скрывал своего удивления. — И с чего ты это решила?

— На это есть причины.

— Глупости это, Лор. Меня так просто не потопить, — ответил он. Мягкий взгляд. Ласковая улыбка. — Мы с тобой неплохо справлялись вместе. Вроде проблем не было. А то что ты не хочешь вспоминать, так не вспоминай. Никто ведь не запрещает забыть.

— А если забыть не получается? — спросила я.

— Всё так серьёзно или это твои сомнения? Ты правда хочешь всё перечеркнуть?

— Я это уже сделала, — ответила я.

И в это действительно поверила. Я перечеркнула прошлое, оставив место лишь для будущего. Артёма в этом будущем не было. Обман можно было простить. Можно было сказать, что это была ошибка. Но я не была уверена, что это именно ошибка. Если бы это была любовь, то и мысли бы не возникло думать о ком-то другом. Артём это похоже понял. Понял то, что я не могла выразить словами. Мы с ним жили, потому что хотели с кем-то разделить одиночество. Но сейчас мне не было одиноко. Казалось, что впереди будет что-то другое. Важное. А наши же отношения — это детская игра в дочки-матери, где был ещё и папа.

— Значит не судьба, — согласился Артём.

— Не судьба, — ответила я, сходя со ступенек и направляясь к дому.

Не сложилось. Такое бывает. Впереди будущее. Оно открытое и чистое, как листы альбома. Рисуи, пиши — остаётся лишь начать. И я начала.

Он был братом девочки, которая стояла за кассой. Она нас и познакомила. Мужчине было тридцать три года. Так получилось, что семьи у него не было. До этого встречался с одной девушкой. Даже они жили вместе, но чего-то разбежались. Не сложилось. Такое бывает.

Мы стали встречаться. Это были настоящие свидания. С цветочками, походами в кафе и прогулками по набережной в солнечный день. Отношения сразу подразумевались серьёзные. Это не дружба. Не отношения для удовлетворения страсти. А именно цель была семья. Гриша даже с моей мамой познакомился. Он ей сразу понравился. Такой целеустремлённый и серьёзный... Совсем не как Артём. Целеустремлённый. Артём был тоже целеустремлённый. Надёжный и серьёзный. Единственное, что у нас было какое-то странное понятие о семье. Хотя что такое семья? Обязательно постель? Или достаточно хорошего отношения друг к другу? Сложно всё это. Жить с кем-то сложно, но одной скучно. Вот и приходилось приспособливаться и понимать, что же это такое семья.

Можно было бы вспомнить детство. Но там семья была скорее условной. Терпение кого-то ради статуса — это было не то, что я искала. А чего я искала?

Наверное, это были совместные походы в лес. Рука в руке и одно одеяло на двоих. Костёр и комары. Разговоры до утра и сонные лица. Меня тянуло вернуться к Артёму. Иногда я ловила себя на мысли, что если Гриша решит, что мы не пара, я не расстроюсь.

На улице шёл снег. Хорошая такая пурга. Я возвращалась с работы. Девять вечера. Именно это меня и удивило, когда я в подъезде увидела Анну Григорьевну. Она сидела на лестнице, постелив газетку. Это при том что зимой Анна Григорьевна одна никуда не выходила.

— Что случилось? — спросила я. — Тимур Тарасович в курсе где вы?

— Лора, Артём не выходит на связь. Тимур уже хотел такси брать, но дома наличных нет. Ты представляешь? Нет наличных денег! А машина у Артёма. А он неделю на даче. И не выходит больше на связь. Ты понимаешь? Ты понимаешь, что это значит?

— Пойдёмте, я вас домой отведу, — предложила я, видя, что Анна Григорьевна находится на грани истерики.

— Ты не понимаешь!

— Понимаю. Мы идём домой, а потом я поеду на дачу. Хорошо?

— Правда поедешь?

— Поеду. Пойдёмте, а то вас Тимур Тарасович уже обыскался, — набирая номер телефона Тимура Тарасовича, сказала я.

Всё оказалось, как я и предполагала. Анна Григорьевна ушла из дома и ничего не сказала мужу. Он уже её искать пошёл. Когда мы пришли домой, то Анна Григорьевна бросилась на плечо Тимуру Тарасовичу, давая волю слезам. Она плакала навзрыд. Не обращала внимания на меня. Для неё перестал существовать мир. Лишь горе, которое в путанном сознание перемешивалось до каких-то непонятных размеров, приобретая дикие формы и приходя к неоднозначным выводам.

Я дождалась, когда Тимур Тарасович уложит Анну Григорьевну спать, дав ей лекарство.

Пока же, не спрашивая, налила себе чай. Тимур Тарасович появился минут через тридцать. Выглядел он усталым и постаревшим лет на десять.

— Что у вас случилось?

— Всё так же. Зимой Анна всегда плохо себя чувствует. Ещё и Артём на связь перестал выходить. Но с ним такое уже было. Я не особо волнуюсь. Захочет вернуться, то вернётся. Аня только волнуется. Устал я от них. Но и бросить этот груз не получается. Они окончательно пропадут. Не думал я, что всё так получится.

— Как? — тихо спросила я.

— А вот так, — усмехнулся Тимур Тарасович. — Ты можешь проверить Артёма? Чисто по старой памяти? Пусть хоть телефон включит.

— Я съезжу.

— Спасибо, — ответил Тимур Тарасович. Он задумался. Уставился в стену и меня перестал замечать. Я же поднялась, чтоб ехать, когда он неожиданно добавил. — Иногда кажется, что мы везде успеем. Но опоздаешь один раз и вся жизнь наперекосяк.

— Не думаю, что жизнь такая уж и плохая. Она просто разная. Может не такая, какой мы хотим её видеть, но она не плохая, а просто другая, — ответила я.

— Другая?

— Другая, — подтвердила я.

— Артём тебе рассказывал? Что тогда произошло?

— Общими словами.

— Он тогда после аварии еле ходил. Им нужно было к врачу. Я устал от больниц. От неутешительных прогнозов. Чувство вины было, что я тогда был за рулём. Артём мог навсегда хромым остаться. А девчонка на работе молодая. Без проблем. С ней можно было забыть обо всём. Я и забывал. Аня же продолжала Артёма по врачам возить. Я обещал, что их подвезу. А сам заболтался. Тогда на Газели катался. На рабочей. Аня водить умела. Когда поняла, что я опаздываю, то пошла в гараж за нашей машиной. Там её уроды и подкараулили. Им хотелось развлечься. Скучно было. Артём забеспокоился, когда Аня не вернулась спустя час. И тогда поковылял на костылях. Снег. Метель. И он ковыляет. Нашёл её там. Да разве хромой мальчишка справится с обозлёнными уродами?

— Не надо.

— Я их нашёл ночью. Когда соизволил домой вернуться. Около тех гаражей. Уродов потом мы с мужиками нашли. И произошёл несчастный случай. Они грелись в машине. Пьяные были. Вот и задохнулись угарным газом. Ещё легко отделались. Очень легко. Я хотел для них другой смерти.

— Вина убивает. А вы им нужны живым.

— Я живу, — ответил Тимур Тарасович. — Живу, улыбаюсь, радуясь, что они живы. Но усталость никто не отменял.

— Я поеду к Артёму и позвоню, — ответила я.

Некоторые вещи лучше не знать. Я не хотела об этом думать. Не хотела спрашивать себя, за что этой семье выпало такое испытание. Но мысли упрямо лезли в голову. И образы, которые подкидывало сознание, были страшнее один другого.

Пурга. Дорога не чищена. У нас улицы не чищены. Куда уж дороге за городом. Фонарей нет. Лес по бокам чередовался с полями и домиками, где изредка горел свет. Я не искала внутреннего повода, чтоб понять, почему я еду к Артёму. Нас больше ничего не связывало. Я могла проигнорировать эту ситуацию. Могла, но не смогла. Похожие слова, а значения

разные.

Пробираться по заснеженной дороге, заваленной снегом, было не то что сложно, а очень сложно. Несколько раз я влезала в сугробы. Машина буксовала или вязла в снегу. Приходилось её откапывать. Пока в начале деревни я не встала окончательно застряв. Пришлось бросать машину и топтать пешком. Ничего не видно. Снег был такой густой, что лишал видимости через несколько шагов. Я шла почти вслепую.

И вот ветер принёс аромат дыма. Приятного такого дыма. Топилась печка. При этом света не было. В деревне не горело ни одно из окон.

Знакомый дом. От калитки до дома тропинка завалена снегом до колена. Я замёрзла. Устала. Хотелось есть. Когда я уже подходила к дому, то подумала, что Артёма могло здесь и не быть. И что делать тогда? Этот вариант я не рассматривала, когда изображала из себя спасателя. Если Артёма не было, то оставалось лишь замерзнуть.

Я постучала. На мой стук послышался собачий лай. Дверь открывать никто не собрался. Хотя она была не заперта. Я зашла в дом. Обо что-то споткнулась. Лай продолжал доноситься из комнаты, где жили родители Артёма, когда приезжали на дачу. Сейчас там сидел Артём. На полу. Рядом стояла свечка. Но она была такой тусклой, что почти не давала света. Около печки были свалены дрова. В одеяло была закутана псина, от которой была видна лишь морда. Артём посмотрел на меня. В очках блеснули огоньки свечи. Я нашла выключатель.

— Света нет, — сказал Артём.

— Поэтому ты домой не звонишь?

— А о чём разговаривать? Чтоб звонить, нужно найти тему для разговора. Слушать я устал, — ответил Артём. Его речь была заторможенной. Да и выглядел он как-то странно.

— Пьёшь?

— Нет, — он улыбнулся. — Хуже. Сорвался.

А улыбка была с вызовом. Артём потрепал пса. Я же набрала Тимура Тарасовича и рассказала, что с Артёмом всё нормально, а он не звонит, потому что света нет, чтоб зарядить телефон. Артём всё это время смотрел на меня.

— Почему ты уехала?

— Может ты хотел спросить почему я уехала? — садясь к печке, спросила я.

— Нет. Ты уехала и не сказала почему.

— Потому что я тебе изменила. И не смогла больше смотреть в глаза.

— Сейчас тебе это не мешает. Хоть понравилось?

— Относительно.

— Ясно. Всё в этом мире относительно. Хочешь есть?

— Хочу. Я сегодня с работы сюда приехала. Без заезда домой.

— Завтра работаешь?

— Я могу отпроситься.

— Отпросись.

— А ты в отпуске?

— Нет. Уволился. Сорвался и уволился. В таком состоянии не до работы. И до жизни дела нет.

— Это ты зря.

— Зря, — поднимаясь с пола и доставая с полки банку с тушёнкой, сказал Артём. — Чтоб был смысл жизни, нужно понимать для чего каждый день открываешь глаза. В тот

день, я ведь хотел сорваться. Когда тебя в том подъезде встретил. И ты отвлекла. Заинтересовала. Так тобой увлёкся, что обо всём забыл. Жизнь перестала быть такой мрачной. А потом ты ушла. Я долго надеялся, что ты вернёшься. Но не вернулась. Ещё и с каким-то хреном гуляешь. А я псину хромую подобрал. Никому не нужную, хромую псину. Думал, что это сможет как-то вернуть смысл.

— Вернул?

— Нет. Теперь только её жаль. А смысла нет, — открывая банку с тушёной, ответил Артём.

— Ты мне ничего не хотел рассказывать.

— Тогда не считал нужным. Не всё нужно знать.

Разогретая на сковороде тушёнка и подсохший хлеб. Кофе, от которого не было бодрости. Тишина и объятия. Одно одеяло на двоих. Псина рядом, что не понимала происходящего или понимала слишком многое. Может она знала больше нас.

— Слова порой лишние, — ответила я.

— Но они важны. Завтра ты ещё будешь здесь. А потом?

— Потом будет послезавтра. И мы откопаем мою машину, — ответила я.

— Зачем ты её закопала?

— Затем, что ты забрался слишком далеко в зиму.

— Забраться в зиму, — он рассмеялся. Потом резко оборвал смех. — Будет сложно.

— Заметила. Мама скажет, что я жизнь спущу в сливную яму.

— Ты так же думаешь? — спросил он, зарываясь носом в мои волосы.

— Не знаю. Я так и не смогла дать определение, что такое счастье и семья. Не знаю почему люди сходятся вместе и почему остаются, когда очень тяжело. Всегда есть выбор. Можно всё порвать и начать сначала. Можно уйти от трудностей. А мы всё равно лезем в них, взваливаем на себя ношу и живём ради чужой улыбки. Ради момента, когда рука в руке, а ночью есть возможность кого-то обнять. Мы зависим друг от друга, понимая, что эта зависимость может погубить. Знаем, как жить положено, но живём иначе. Не по правилам.

— Как будто есть эти правила, — усмехнулся Артём.

— Но кто-то же их придумывает.

— Придумывает, не умея чувствовать. Чувства же это то, что идёт из глубины человека. Они не могут поддаваться контролю и правилам.

— Я по тебе скучала.

— Не уходи больше. Остайся.

— Если ты больше не будешь срывать. Ты понимаешь, что это до добра не доведёт? Что это плохо?

— Я постараюсь, — ответил Артём.

И я осталась... Уже тогда было понятно, что у нашей истории счастливый финал маловероятен. Но чувства никогда не слушают голос рассудка. Можно знать, как нужно поступить, и знать, как не сможешь. Я не смогла. А впереди было много всего. Плохого и хорошего. Слез и улыбок. У каждого свой путь. Своя жизнь. Она может быть другая. Не такая, как у всех. Но это не значит, что она плохая. Она просто другая. Как и любовь. У любви может просто не быть финиша. Бывает так, что нельзя прервать отношения, даже если понимаешь, что это нужно для своего блага. Эти отношения могут толкать в пропасть. Но у каждого человека свой путь. Свой опыт, который не будет поддаваться логике. Для чего всё это? Возможно, чтоб что-то понять, чего не поймёшь, если будешь объяснять словами...

